

СТАНИСЛАВ
ВЕНГЛОВСКИЙ

АНТИЧНЫЕ ЦАРИ

А л е т е й я

Станислав Венгловский

Античные цари

«Алетейя»

2018

УДК 94(37+38)
ББК 63.3(0)32

Венгловский С. А.

Античные цари / С. А. Венгловский — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-906980-94-6

Это книга об античных царях древней Греции и Рима. В ней рассказывается о богах античной Эллады, об их спорах за такой лакомый кусочек древней Аттики, как город Афины, о последнем царе Кодре, о царе Фив Кадме и его наследниках, о царе Эдипе. Наконец, в ней же говорится и о римских царях. О них можно сказать, что предел им поставили сами римляне: после 510/511 года до н. э. римских царей более не существовало. Все было заменено консулами, избиравшимися всенародно, вплоть до эпохи Римской империи.

УДК 94(37+38)

ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-906980-94-6

© Венгловский С. А., 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

Афинские цари	7
Аттика	7
Кекропс (Кекроп) – первый аттический правитель	10
Посейдон и Афина	13
Царская семья	17
Царь Кранай и его зять Амфиктион	19
Эрихтоний (или Эрихфоний)	20
Пандион	22
Царевны Прокна и Филомела	24
Эрехфей (Эрехтей)	27
Ион	29
Эгей	32
Тесей	36
Меланфий	57
Кодр	60
Фиванские цари	63
Беотия	64
Царь Кадм	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Станислав Венгловский Античные цари

Афинские цари

После того, как в Афинах воцарился Кекроп и вся эта область, дотоле называвшаяся по имени местного жителя Актия – Актикой, стала называться Кекропией, прошло 1318 лет.

Паросский мрамор¹

Аттика

Можно смело сказать: Аттика находилась в центре эллинского мира. Вместе с тем, даже на первый взгляд, – казалось, что она размещена чуть-чуть в стороне от главных, а тем более – от сухопутных дорог всей Эллады...

Известно, что любое живое существо гораздо комфортней и безопасней ощущает себя в каком-нибудь закутке, ограниченном всего лишь двумя, зато очень надежными стенками, расходящимися у него за спиной, под более или менее тупым углом. Так, например, ведет себя в незнакомом ему помещении чересчур уж малый, – зато чрезмерно милый котенок. Так поступает и слишком веселый щенок... Обезопасив свои тылы, все животные как-то спокойнее следят за тем, что происходит перед их широко раскрытыми на все глазами...

Нечто подобное, уже с древних времен, испытывали также те люди, которые вдруг оказывались на полуострове, речном или даже морском мысе, где слева и справа виднеется одна лишь сплошная вода. Именно в таком положении очутилась и вся античная Аттика.

С запада, точнее с северо-востока, – аттические берега омывала узенькая водная полоска, представлявшая собою не слишком четко и очерченный морской пролив, который отделял ее от обширного, довольно гористого острова под названием Эвбея.

С юга на Аттику набегали волны вечно синеего, почти голубого, Саронического залива, по гладкой поверхности которого, при тихой погоде, среди множества островов и островков, – довольно легко удавалось различать четкие контуры большого острова под названием Эгина.

Пешему человеку, которому приходилось не раз пересекать этот остров с юга на север, и в обратном ему направлении, – удавалось проделать все это за каких-нибудь два современных часа. За этим островом возвышался сам Пелопоннесский полуостров, точнее – гористая земля Арголиды, с древними, полузабытыми теперь городами: Микенами, Аргосом и Тиринфом.

А совсем рядом с Актикой, у южных ее берегов, но гораздо ближе к западной части, – восставал из моря другой, тоже довольно крупный остров – под «гордым» названием Саламин.

Саламин всегда служил для Атики предметом ожесточенного спора с соседствующим государством – с Мегарами. Мегарская земля для Афин как раз была тем местом, за которым приходилось неусыпно следить, опасаясь исходящей оттуда грозной опасности.

Мегарская земля, соседствующая с Актикой на юго-западе, отличалась чрезмерной гористостью ландшафта, вдобавок – еще и своим, каким-то вечно-песчаным бесплодием. Территорию Мегар прорезали дороги, бегущие с севера на юг и в обратном ему направлении.

¹ Так называемый Паросский мрамор представляет собою один из важнейших источников греческой хронологии. Первая часть его была найдена еще в 1627 году. Ее открыл для науки англичанин Томас Говард Арундел, а перед тем указанный камень слишком долго пролежал в полузабытой гряде камней в турецком городе Измире. После окончательного изучения всей этой груды камней, указанный нами британец и подарил его музею университетскому городу Оксфорда; другая часть его, найденная гораздо позже, только в 1897 году, хранится ныне в так называемом Паросском музее. Вся хронология была составлена совершенно неведомым нам анонимным греком. Она приурочена, как полагают ученые, к 264 году.

В северной части мегарской земли, тоже чрезмерно гористой, – возносился каменистый горный кряж Герания, в котором пробит узкий проход над морем, напоминающий собой такие же узенькие Фермопильские ворота, расположенные где-то на севере Греции, уже в пределах фессалийской земли. Эти ворота, надо заметить, как раз представляли собою серьезную преграду для всех врагов, вторгшихся в Элладу с европейского континента...

На северо-западе с Аттикой граничила богатая во всех отношениях Беотия, знаменитая своим древним городом – семивратными Фивами.

Быть может, именно мысль об узком и тесном мегарском проходе, прежде всего, овладевала умами завоевателей, которые продвигались по указанному пути уже с севера на юг, принося за собою смерть и разрушения.

Нельзя исключить и того, что, разорив и миновав богатую Беотию, завоеватели напрочь выбрасывали из головы саму мысль о встрече с еще более гористой Аттикой, почитая ее несколько не привлекательной. Она оставалась по левую руку, совершенно невидимая и несколько не ведомая, пусть даже и самым прозорливым захватчикам.

Они устремлялись вперед, к горному проходу, не без основания подозревая, что встретят там еще более вооруженных, уже до зубов, местных воинов, отлично знающих каждую тропку и каждый выступ в ее отвесных, крайне недоступных любым захватчикам скалах.

В пылу завоевательного рвения, захватчики несколько даже не предполагали, что за горным массивом, закрывающим собою полнеба, лежит довольно обширная страна под названием Аттика.

Преградой, прикрывающей Аттику со стороны Беотии и Мегар, были разветвленный горный массив Киферон (наивысшая точка его достигала 1409 современных нам метров) и его продолжение – горы Парнес (высшая точка данных гор – 1413 метров над уровнем моря).

Те же люди, будь они хоть завоевателями или даже абсолютно мирными купцами, или же просто путешественниками, которым все-таки удавалось преодолеть указанные горы, – попадали, наконец, в саму Аттику.

В таком случае – перед ними простиралась тоже довольно сильно возвышенная равнина. Это был вытянутый с юга на север значительный полуостров, от южной оконечности которого и до северных его границ насчитывалось добрая сотня нынешних километров, тогда как ширина его была едва ли не в два раза поменьше.

Да, таковым оказывался он и на самом деле, довольно бедным водою и гористым. В северо-восточной части Аттики возносились горы Пентеликон, высотой до 1109 метров, недра которых распирали залежи добротного мрамора, а на юго-востоке – горы Гиметт (высшая точка которых тоже превышала одну тысячу метров).

В древние времена эти горы были известны, в первую очередь, своим медом, получаемым от диких или уже прирученных пчел, а затем – и не менее дивным мрамором чудного белого цвета, с каким-то нежно голубоватым отливом...

А еще, на юго-востоке Аттики стояли невысокие горы Лаврион, хранившие в себе запасы очень ценного, особенно в древности, – удивительного серебра.

С указанных гор стекали редкие в Аттике реки, именно – с Пентеликона Кефис, а с Гиметта – Илис, который впадал в довольно быстрый, даже на равнине, – Кефис.

Летом обе реки мелели, пересыхали, пропадали вовсе.

Значительную часть аттической территории составляли зеленые равнины: Афинская, Элевсинская, Марафонская и так называемая Мезогаяя – Серединная земля, упиравшаяся своими краями в горы Гиметт и Пентеликон...

На указанных равнинах греки выращивали сельскохозяйственные растения и занимались весьма прибыльным скотоводством.

Нет ничего удивительного, что именно на этих равнинах и появились первые древнейшие поселения, и что сами названия этих равнин, только что приведенных нами, даны были им как раз по названиям указанных выше городов: именно Афины, Элевсин, Марафон.

Исключение составляла разве что земля Мезогайя.

Кекропс (Кекроп) – первый аттический правитель

Вблизи Саронического залива, всего в пяти-шести километрах от морского берега, внимание людей привлекало слишком заметное, даже издали, – возвышение из крепко слежавшегося бурого известняка.

Необычное среди сплошного зеленеющего пространства, оно было вытянуто с запада на восток. Наивысшая точка его возносилась над уровнем моря на целых сто сорок шесть метров.

Первое, что поражало местных жителей при одном лишь взгляде на этот огромный холм, – какое-то жуткое обилие на нем всевозможных пресмыкающихся, то есть, – обычных змей.

Надо сразу сказать, что змеи в древности казались людям обладателями какой-то сверхъестественной силы. Эта сила угадывалась уже во взгляде крошечных глаз на совершенно маленькой, как бы выточенной головке, а еще – в движениях чуткого, чрезвычайно извилистого тела.

Все змеи в древности считались олицетворением извечной мудрости, возможно, благодаря своей близости к матери земле. Потому и все змеи прослыли у древних людей порождением самой земли.

Конечно, похожим образом относились к змеям и в Аттике. Однако то, что жители Аттики наблюдали на этом холме, – превосходило все человеческие представления: на холме бурлило настоящее змеиное царство. Змеи там просто кишели.

На раскаленных солнцем каменных склонах выгревалась живая шевелящаяся масса. Гибкие тела, словно стебли дивных растений, обвивали корявые столбы, каким-то чудом сохранившиеся среди камней оголенные древесные стволы. Желтобрюхие змеиные существа шлепались на камни и с леденящим душу шуршанием втискивались в совершенно невидимые для постороннего глаза норки и в еле различимые даже для них самих, довольно узенькие расщелины в сплошной горной породе.

Пастухи, у которых время от времени отбивались от стада весьма непослушные козы, в поисках этих животных заглядывали в пещеры на склонах жутко-загадочного холма и затем клялись окружающим всеми богами, что творящееся в пещерном полумраке превосходит все, уже виденное человеческому глазу на наружных каменных склонах.

Пастухи уверяли, будто в пещерах обитают змеи невиданных прежде размеров, будто у них существуют свои государи и свои «настоящие» подданные. А еще: будто бы им, пастухам, приходилось видеть даже змею в золотой короне и в пышных, необыкновенных одеждах, как две капли воды, – похожих, даже по внешнему виду, на истинно царские...

Пастухов слушали, им – доверяли. Змеиные цари, вроде, тоже каким-то таинственным образом могли быть связаны с небом, с могущественной богиней Геей.

Первым аттическим царем традиционно считалось существо исключительно загадочное.

Правда, таким являлся лишь первый аттический правитель. А для потомков, даже для его современников, которые, спустя время, когда само его имя, образ и годы правления покрылись удивительно легкой дымкой забвения, – он таким уже не был...

Все дело в том, что на такой незначительной территории, каковой являлась на самом деле вся античная Аттика, – невозможно было облечь таинственностью распорядок и саму суть всей царской жизни. Тогдашние и тамошние цари – были не в состоянии укрыться от зорких глаз своих подопечных и подданных.

Все сказанное усугублялось еще и тем, что жители древней Аттики справедливо считали себя автохтонами, то есть людьми, – живущими здесь, в данной местности, от сотворения мира, из поколения в поколение.

Они знали всю родословную каждого своего соседа, поскольку сами ничуть не смешивались с пестрой массой пришельцев, если не считать немногих изгнанников, так и не нашедших

для себя какого-либо приюта. Сами же обитатели Аттики не поддавались никаким завоевателям. Они никогда не покидали своих родных, крепко обжитых ими мест и пашен.

Одним словом, жизнь аттических царей не походила на жизнь настоящих самодержцев, вроде позднейших персидских монархов, в подчинении у которых ходило много различных народов на трудно вообразимых азиатских просторах.

Кроме того, сама царская власть во всем эллинском мире, да еще в то, патриархально далекое время, – выглядела несколько забавной для нашего понимания. Эту власть ограничивали многочисленные советники, ограничивало и нечто, вроде подобия народного собрания, состоящего если и не со всего народа, то, по крайней мере, – из людей известных, опытных. Они всего повидали на своем веку, были чересчур почитаемы, храбрыми, необычно инициативными.

Отзвуки царского правления видятся и в картинах, оставленных нам великим поэтом древности Гомером, пусть и жившего гораздо позже, где-то уже в IX–VIII веках до нашей эры, однако изображавшего жизнь и не очень далекого от нас, XII столетия, тоже, кстати, до нашей эры...

Представление о древних царях дает нам образ хитроумного Одиссея, умевшего делать все своими собственными руками, и даже сделавшего ими очень уж многое.

Одиссей, по правде сказать, царствовал в небольшом государстве, расположенном на острове Итака. Однако, подобными качествами наделены у Гомера и могущественные иные государи, вроде Агамемнона, Менелая и прочих, прочих, повелевавших массами людей, а также распоряжавшиеся всеми огромными богатствами людей древнего мира. А все же и эти цари были ограничены в своих действиях. Они тоже зависели как от первейших советников, своих соратников, так и от разноликой воинской массы.

Конечно, первый аттический царь в глазах многих своих современников выглядел совершенно непохожим на того государя, каковым он сделался в устных преданиях, уже после того, как сам сошел в могилу. Возможно, лишь после смерти своей обрел себе он какое-то даже имя, которое так и осталось в сознании его потомков.

Вот и царь Кекроп... Если верить самым древним сказаниям, он был рожден богиней земли Геей, а потому и выглядел внешне тоже довольно странно: вроде бы и настоящим уже человеком, со всепонимающими умными глазами, однако с гривою жестких волос, ниспадающих ему волнами на довольно, даже слишком, широкие плечи.

Однако он был еще не совсем человеком по причине наличия у него змеиного хвоста, который извивался у ног его какими-то странными, крупными кольцами.

Впервые представ перед людьми, сбегавшимися на его зов, своими вероятными подданными, – это существо заявило скрежещущим голосом, стоя на высоком природном холме:

– Ке-кропс! Зовите меня просто Кекропом! Я буду править вами по указанию высоких небес!

Под одеждами у Кекропа (или Кекропса) все также шевелился мощный змеиный хвост, но это мало кого удивляло, потому что о подобных змеиных царях давно уже говорили все на свете ведающие земные пастухи.

Жители аттической земли не без удовольствия подчинились даже такому змеиному существу, дарованному им высокими небожителями.

Конечно, о несомненной связи нового царя с небесными богами стало гораздо легче говорить при его наследниках, у которых уже совершенно исчезли все признаки их змеиной, какой-то чисто божественной сути. Цари, к тому времени, казались похожими на всех прочих земных обывателей, и современникам их оставалось лишь поверить в то, что утверждалось в сказаниях предков.

Первый аттический царь слишком рьяно взялся за дело. Волочившийся по земле змеиный хвост совершенно не мешал ему в занятиях и нисколько не пригашал его сверхкипучей энергии.

Кекроп довольно быстро возвел на холме укрепление, ставшее центром всего государства. Крепость назвал он по своему имени – Кекропия. Впрочем, говорили впоследствии, это название перешло и на все аттическое государство.

В царствование Кекропа произошло еще одно, слишком важное событие. В греческой жизни появилась первая выдающаяся женщина, так называемая Пандора (в переводе с древнегреческого языка это имя, как бы в насмешку, означает – *всем одаренная*).

Она была создана богиней Афиной и богом Гефестом.

Говорили, будто бы Зевс, разгневанный из-за того, что Прометей, похитив у богов огонь, решил передать его людям. В отместку за это верховный бог, Громовержец Зевс, и приказал создать эту вот женщину.

По личному указанию Зевса, его сын Гефест слепил ее, смешав землю с водой, а богиня Афина, любимая дочь Зевса, одела Пандору в серебряное платье и увенчала ее голову золотым венцом.

Пандора, по замыслу Зевса, – должна была приносить людям соблазны и всяческие прочие несчастья. По мнению более поздних древнегреческих поэтов, Гермес вложил в ее лживую и хитрую душу надежду на исполнение всех нечестивых человеческих желаний. Более того, когда Пандора открыла сосуд, врученный ей милостивыми, но чрезвычайно коварными богами, в котором заключены были все людские пороки и несчастья, – то по всей земле разползлись сплошные болезни и слишком большие бедствия для людей.

Только надежда осталась на дне сосуда, но Пандора, пытаясь спасти положение, поспешила захлопнуть крышку сосуда. Люди, поэтому, лишены были даже надежды на лучшую жизнь...

Посейдон и Афина

В царствование Кекропа произошло еще одно, чрезвычайно важное событие в жизни Кекропии: подвластная царю-змею земля попала в поле противоборства всемогущих олимпийских богов – Посейдона и Афины.

Эти боги, во что бы то ни стало, – стремились заполучить для себя чудесный уголок аттической земли, а потому и устроили по такому поводу своеобразный конкурс.

Победитель конкурса становился покровителем благодатного участка земли, жители которой обязывались приносить ему жертвы, возводить для него многоколонные пышные храмы, ставить ему многочисленные жертвенники, украшенные его статуями, и прочее, прочее...

Храмы, как известно, служили богам лишь временными жилищами, куда они являлись по мере надобности и ввиду неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Так полагали и все прочие эллины, жители Аттики несколько не составляли здесь исключения. Названные боги, в самом деле, были существами грозными и могущественными.

Посейдон – всемогущий повелитель морских просторов, колебатель земной суши. Он приходился старшим братом Громовержцу Зевсу. Посейдон и помог брату свергнуть с престола общего для них обоих отца, кровожадного бога Крона, который пожирал своих собственных детей, поскольку отлично помнил зловещее предсказание: подросшие дети лишат его верховной власти, свергнут в мерзейший Тартар²...

Эллины воочию видели силу и мощь Посейдона. Ради этого достаточно было оказаться на берегу зимнего моря, поглядеть на его серо-черные волны, которые с грохотом и с оглушительным ревом разбиваются об острые камни. Все это, опять же, делалось по малейшему мановению руки самого Посейдона. Вооруженный трезубцем, разъезжал он по морским волнам в золотой колеснице, запряженной белогривыми конями. Более того, то, что какому-нибудь чужеземцу могло показаться обыкновенной морской пеной, все это эллины воспринимали довольно правильно, как и полагается им. На самом деле – на море так густо мелькают белые конские гривы!

Впрочем, с таким же успехом, ударами своего трезубца, Посейдон умирал и морскую стихию.

Эллины твердо знали, что бог морей обитает в непосредственной близости от принадлежащей им Аттике. Что, невдалеке от гористого острова Эвбея, на его морском дне, возведен для него удивительный дворец из огромных морских камней, из сверкающих глубинных раковин и великолепных подводных жемчужин.

В этом, неколебимом ни при каких обстоятельствах дворце, – поселился сам Посейдон со своей супругой Амфитритой, богиней моря, дочерью самого Нерея, приходившегося отцом для всех нереид³, – и столь же славной морской богини Дориды.

Поначалу он разыскал Амфитриту с помощью вездесущего дельфина, поскольку она никак не хотела выходить за него замуж, пряталась в одной из многочисленных водных пещер, находившихся тоже в бесконечных морских углублениях... Там же обитает и все его многочисленное семейство.

А в чудесных конюшнях, вырубленных в скрытых глубинах подводных скалах, набираются сил те самые лошади, которые таскают его чудесную колесницу вдоль по морским волнам.

² В «Илиаде» Гомера – это место в глубине земли, размещенное настолько глубоко под землею, как высоко над нею возносится небо. Более поздние поэты описывают Тартар как место, где отбывают наказание разного рода грешники.

³ Греки верили, что число всех нереид – равным счетом 50. Среди них выделяются сама Амфитрита, супруга Посейдона, Фетида, мать Ахилла, Галатея, в которую влюбился по уши Полифем; вдобавок – была еще ее ближайшая родственница нереида Немертея.

Надо сразу заметить: морского бога все эллины опасались.

Подумать только: прогневишь его своими неосторожными поступками или даже каким-нибудь недобрым словом о нем самом, – и все. И не смей тогда даже приближаться к воде.

А ведь любой человек, особенно в Аттике, был тесно связан с морем. Путешествия по морской воде, еще в глубокой древности, прослыли самыми дешевыми и, в определенной степени, – даже самыми безопасными...

Богиня Афина – тоже почиталась всеми эллинами – была наиболее любимой дочерью Зевса.

Афина ведала важнейшими делами в жизни эллинов. Первоначально, в их понимании, она просто гоняла по небосводу какие-то явно бесхозные тучи, хранила в своих закромах отцовские разящие молнии. Однако, со временем, резко переменила обычный ход и род своих повседневных занятий.

Вскоре греки узнали, что эта, голубоглазая, светловолосая красавица так и родилась уже с копьем в одной руке и со щитом – в другой. Что на голове у нее, еще при рождении, засверкала медь ничем не пробиваемого для всех смертных шлема.

А родилась она уже взрослой воительницей из головы Зевса, поскольку он сам, перед этим, проглотил свою беременную прежнюю жену Метиду. Родившись на свет, она помогла своему родителю одолеть богов титанов. Так же, как и Посейдон, она способствовала ему как можно надежней усесться на олимпийском троне.

Да и вообще – едва появившись в мире, она не упускала любой возможности втиснуться в первые ряды воинов, слишком торопящихся в ближайшее воинское сражение. И в этом тоже нисколько не трудно было убедиться почти каждому смельчаку!

Однако война так и не стала для этой богини основным ее занятием. Война лишь способствовала ей добиваться установления спокойной жизни, такой естественной для всего человеческого рода...

А в мирной жизни богиня Афина научила эллинов запрягать в телегу мулов, до тех пор лишь праздно шатавшихся по земле, и более редких коней, – таких дорогих животных и очень ценимых даже в очень глубокой древности.

Впрочем, она сама и придумала для них телегу и ярмо, научила людей обращаться с плугом, что было также ее придумкой. Изобрела она и гончарный круг, отчего работа у гончаров закипела с невиданной дотоле скоростью, а посуда, выходявшая из их рук, обрела такие красивые и гладкие стенки, что стала с тех пор подлинным загляденьем.

Желанная всеми богиня научила эллинских женщин прясть, ткать, шить. Она же, естественно, обеспечила их и придуманными ею самой инструментами, вроде веретена, иголки, прялки, а также – необыкновенно сложного ткацкого станка...

И вот, в назначенный день к выстроенному Кекропом укреплению на высоком холме, – начали собираться толпы аттических жителей. Они стекались со всех равнин, даже – со склонов окружающих эти равнины довольно высоких аттических гор.

Шли осторожные охотники, умевшие выслеживать диких зверей. По одиночке и даже небольшими группами, тянулись вдоль узких тропинок пропахшие козьим и коровьим по́том, – загорелые до черноты пастухи. Они, в большинстве своем, так и сохраняли на собственных лицах повсеместные белозубые улыбки.

Широко расставляя ноги и как-то даже крадучись ступая, шли такие же обветренные мощные рыбаки, без особого удовольствия – оставившие свои обдутые непогодой сети, лодки и, подвластные только ветрам, – тугие свои паруса.

Явились в сиянии лиц и одежд и могучие небожители во главе с самым главным богом Зевсом, шаги которого раздавались подобно урчанию совсем уже недалекого грома.

Конечно, боги разместились на вершине высокой скалы, нисколько не смешиваясь с простыми землянами. Однако так же, как и простой народ, они понимали всю важность предстоя-

щего события и всю ответственность будущего судейства, которое Зевс всецело поручил змеихвостому царю Кекропу.

Наконец, все уже было готово. Затаив дыхание, замерли люди.

И вдруг стало слышно, как шуршат убранства стоящих на высоких скалах богов, как трещит, оседая, земная масса под тяжестью Зевсовых стоп, как мечутся в тревоге на каменных выступах чересчур любопытные змеи.

Распорядитель торжества, завидев знак царя Кекропа, издал свой зычный голос, – первым выступил вперед и остановился на виду у богов и народа гордый морской владыка. Он был виден всем собравшимся людям.

Перед ними предстал могучего телосложения чернобородый великан.

– Можно начинать! – прокричал распорядитель.

Легко, словно играючи, мускулистая рука взмахнула тяжеленным трезубцем и так же легко и ловко опустила его опять на землю.

– Эх-х!

Послышался скрежет металла о камень, – и под восхищенные крики из камня вырвался пенистый сноп воды. Он вознесся высоко над головою морского бога, и серебряные брызги так и рванулись по камням, добираясь даже до ног вконец изумленных людей.

Кто-то из простого народа зачерпнул влагу горстью, поднес ко рту руку и тут же закричал во все горло:

– Вода! Вода – сладкая!

Всеобщему ликованию не было предела:

– Вода!

– Вода!

Еще бы! В жаркий летний день, посреди засушливой Аттики, потребность в охлаждающей влаге ощущается как никогда исключительно остро. Пресная вода – лучшего подарка трудно даже вообразить себе...

Конечно, все это прекрасно понимали боги. Снизу было даже отчетливо видно, как они согласно почесывают свои кудрявые бороды, как улыбочиво отвечают друг другу.

Взгляды землян и высоких небожителей тотчас уставились на Кекропа, – и тут же у него с шумом свернулся в кольцо разомлевший на солнце его изумрудно-зеленый хвост.

И вот уже распорядитель судилища, по какому-то новому знаку царя Кекропа, вызвал богиню Афину.

– Можно начинать!

Афина ступала легко, как и полагается девице, однако земля у нее под стопами издавала легкое, почти невесомое колебание, как будто там проходило стадо незримых ни для кого быков.

Глядя в упор на богиню, все люди шурили свои глаза и прикрывали головы руками, – настолько невыносимо ярко сверкали на солнце ее золотые и медные сплошь доспехи. Однако сама богиня ничуть не терпела чрезмерной медлительности. Ударив землю своим копьём, она здорово опередила чей-то восхищенный, слишком поспешный крик.

– Вот!

Через мгновение произошло еще новое чудо. Из змеистой расщелины в раскаленной земле тотчас же выглянул бледный росточек, который начал шататься, а все же уверенно потянулся кверху, как бы несколько помедлил, – и вдруг выстрелил первым полупрозрачным листиком. Второй листик у него получился еще более насыщенным необыкновенно яркой зеленью.

Сам же росток на глазах у всех становился прочнее. Он, все гуще и гуще, покрывался листьями, украсился даже множеством ярких пятен. Нежные лепестки, которых едва лишь коснулись хоботками упрямо жужжащие пчелы, закачались и как-то разом опали на землю. На том самом месте, где они только что висели, закружилась еле приметная поначалу завязь.

И вот уже, на глазах всех собравшихся жителей Аттики, с ветвей молодого и веселого дерева стали свисать маслянистые сочные плоды.

– Чудо! Чудо! – закричали люди уже в тысячи голосов.

То было оливковое дерево.

Внимательно следивший за всем этим царь Кекроп сорвал с дерева плоды, поднес их к своим по-змеиному сухим и необычно узким устам. Царскому примеру последовала его пышная супруга Аглавра, затем – их зычноголосые дети, а следом – и все шумные придворные явно змеиного царя.

Дерево обступали самые смелые из людей. Они протягивали к плодам свои руки и срывали, любуясь упругостью и веселым их видом. Люди рвали плоды, жевали, передавали в толпу, однако количество плодов на дереве от этого нисколько не уменьшалось.

– Чудо!

– Чудо!

Только и слышалось в обступившей дерево толпе.

Легконогий бог Гермес, покровитель путешественников и разного рода торговцев, самый пронырливый среди множества небожителей, затесался в человеческую толпу и тут же наполнил плодами свою островерхую шапку.

Люди не успевали следить за всем, что было доступно лишь небожителям.

– Берите! Берите! Всем хватит!

Богиня Афина реяла над народом с требовательным выражением сияющего лица. Она была уверена в победе над собственным дядею, владыкой моря, который как-то слишком озадаченно вертел в руках тяжелый трезубец, словно это был пруттик в ладонях какого-то, вечно озадаченного, однако – слишком непоседливого ребенка.

Кекроп, на которого глядели все люди и боги, мгновение подумал и произнес вдруг мощным голосом, в котором все еще угадывались какие-то сильно квакающие звуки:

– Спору нет, вода – неоценимый дар. Однако ее можно добыть и в любом колодце... Оливковое же дерево сделает всю нашу землю богатой и самой счастливой!

Кто оказался поближе к тому месту, где все еще находился бог Посейдон, те ужаснулись и даже прикрыли головы своими руками. Они были уверены, что колебатель земли и суши немедленно и тотчас призовет на Аттику свои самые грозные морские валы. Сами они уже готовы были карабкаться на каменные стены холма, на которых привычно шуршали змеи, а на вершине которого величественно высились все олимпийские боги.

Однако, в присутствии всемогущего Зевса, Посейдон как-то быстро взял себя в руки, зато потом, говорили в Аттике впоследствии, оскорбленный морской бог не забывал такого пренебрежения со стороны афинян, он дал полный разгул всем своим разнообразным каверзам.

А пока что, получилось все так, как и предрекал царь Кекроп.

Аттическая земля быстро покрывалась сплошными оливковыми рощами. Неприхотливые деревца приносили владельцам достаточное, и даже – очень значительное богатство. Оливковое масло сделалось предметом торговли с заморскими странами (вскоре к этому добавилась также торговля вином и расписною посудой).

Конечно, благодарные жители Аттики тотчас же стали именовать в честь богини и основанный Кекропом город. Он получил название в ее честь, и стал называться очень уж просто – город богини Афины или совоокой Афины.

Высокий холм, вместе с укрепленным замком на нем, – жители называли акрополем. На его вершине появился храм, возведенный тоже в честь упомянутой уже нами богини.

Передают, что отныне в нем поселилась огромная желтобрюхая змея, знаменовавшая присутствие в городе высшей покровительницы всего афинского народа.

Царская семья

Мы уже как-то, почти что невольно, упомянули, что царь Кекроп женился, как и подобает настоящему суверенному государю. Женой его стала не менее загадочная, нежели он сам, девушка по имени Аглавра (или Агравла).

Как бы там ни было, однако первое слово в ее имени значило «Световоздушная», второе – «Послебороздная». Короче говоря, чьей бы дочерью ни считалась сама царица, но оба из этих имен свидетельствуют о ее неразрывной связи со всей, окружающей холм природой.

Аглавра родила супругу трех дочерей. Одну из них тоже называли Аглаврой, как и мать; вторая получила имя Пандроса (всевлажная), третья – Герса (роса). Все ученые усматривают в перечисленных именах какую-то необычную связь Аглавры с богиней Афиной. В литературных памятниках более позднего времени привычно встречаются сочетания Афина Всевлажная, Афина Роса (иначе Росистая).

Стало быть, – эта богиня отвечала также и за росу, питающую все растения без исключения. В весьма засушливой Аттике это считалось делом нешуточным.

У царственных супругов появился даже наследник престола. Ему дали имя Эрисихтон.

Очевидно, малыш весь пошел в своего отца. Наверное, он рос весьма послушным парнишкой и действовал солидарно со своим почтенным родителем. Он явно желал укрепиться на царском престоле и еще сильнее желал заручиться покровительством всемогущей богини Афины.

По всей вероятности, вступив уже во взрослые годы, Эрисихтон отправился на остров Делос, на котором родились олимпийские боги, Аполлон и его родная сестра Артемида.

Оттуда он попытался вывезти даже изображение кормилицы Зевса Иты, постепенно превратившейся даже в богиню родов Илифию, дочь Зевса и Геры, – чтобы поместить его, в виде какого-то образа, непосредственно на высоком акрополе, в храме богини Афины.

Однако царевичу крупно не повезло. Его поступок отчего-то не понравился прочим олимпийским богам, а поэтому он и сам был сурово и строго наказан. Эрисихтон так и умер бездетным, еще при жизни сидевшего на царском престоле своего стареющего постепенно отца Кекропа.

Судя по всему изложенному, дело о престолонаследии приняло весьма печальный итог всего этого дела. По всей вероятности, супруги, ко времени смерти сына, вступили уже в критический детородный возраст: у них не оставалось ни малейшей надежды на появление новых детей.

Все это обернулось предметом рассуждений уже для богини Афины. Очевидно, она поняла, что более подходящей для Аттики династии, нежели эта, берущая свое начало еще от богини земли Геи, – ей уже ни за что не сыскать.

Афине пришлось даже крупно поразмышлять, как найти выход из этого, довольно трудного для нее положения.

Сама же Афина была девственницей, о браке – даже не помышляла, несмотря на то, что ее красота сразу вскружила головы многим земным и небесным женихам, – буквально от первых минут ее появления на свет.

Да только сама богиня Афина недаром прослыла большущей умницей.

Ее символом, помимо оружия, стала мудрая птица сова, о которой мы как-то, вроде, уже упоминали. Богиня прекрасно и остро понимала, что царская власть должна была быть обязательно божественного происхождения. Но где же ей было взять более достойного царского наследника? И как было увязать его появление с уже прочно укрепившимся на троне Кекропом?..

И вот однажды богиня Афина является к дочерям Кекропа и вручает самой старшей из них, веселой певунье Аглавре, увесистый и красивый ларец (по иной версии – даже целую корзинку), к тому же – довольно плотно закрытый. Однако подает его как-то так, что им, и без того уже замершим от общения со столь прославленным олимпийским божеством, как-то сразу становится понятно: там, внутри ларца, таится нечто, откровенно живое!

Возможно, царевны даже и заподозрили, что в ларце упрятано какое-то существо небесного происхождения, которому, пусть и со временем, после смерти их престарелого родителя, суждено будет стать во главе всего аттического государства?..

Несмотря на строгий-престрогий приказ Афины не открывать ларец до срока, который она им укажет, – измученные любопытством девушки просто не справились сами с собой...

Как только богиня растаяла в воздухе – они тут же, едва переглянувшись между собой, почти одновременно взялись за крышку ларца. И тут же все в один голос вскрикнули: на дне его лежало мокренькое чудовище с огромною человеческой головою, насаженной на сверкавшее в темноте змеиное естество. Существо было явно незрелое, совсем лишь недавно появившимся на свет, а все же оно смотрело на мир каким-то строгим, как показалось царевнам, совсем неподвижным взглядом.

Волосы у девушек готовы были оторваться от кожи. Выронив из рук ларец, царевны бросились бежать, не разбирая дороги, лишь бы поскорее исчезнуть из родного для всех их родительского дворца, не понимая еще, что этот безумный поступок уже прекрасно ведом богине Афине, что это она обрекла их всех на это, столь явное безумие.

Они вдруг позабыли об обрыве, которого привыкли остерегаться с того самого времени, как только впервые научились ходить. Добежав до этой кромки земли, они не остановились, а полетели вниз, собственной кровью обагрив выступы чрезвычайно острых камней...

Царь Кранай и его зять Амфикион

После смерти престарелого Кекропа царская власть оказалась в руках другого царя-автохтона, рожденного все той же, аттической землей.

Его звали Кранай.

А женился он на местной земной, чрезвычайно красивой девушке. Она прослыла уроженкой воинственного Лакедемона, который был расположен на самом крайнем юге всего Пелопоннесского полуострова. Имя же у нее, у девушки-невесты, – было тоже не менее красивое – Пе-ди-а-да.

У царской четы родились вполне земные дочери. По имени одной из них, как гласит предание, царевны Аттиды, – новый царь Кранай переименовал прежнюю Кекропию в Аттику. И все это из-за того, что до этого времени такого названия люди не помнили и даже вообще о нем ничего и не знали.

Возможно, именно на эту дочь царь Кранай возлагал и свои особые надежды. Однако сама она умерла очень рано, еще до своего замужества.

Связана ли смерть девушки с постигшим Аттику вскоре после этого всемирным потопом, при помощи которого еще более разгневанный Зевс решил погубить уже весь человеческий род, до конца погрязший в пороках, либо же причиной смерти его стало нечто иное, – теперь уже очень трудно сказать.

Здесь важно упомянуть нечто совсем другое. Девятидневный потоп унес жизни почти всех землян, смыв их, словно букашек, с цветущей земной поверхности.

В живых остались лишь благочестивые, по отношению к богам, Девкалион и Пирра. Своими родителями эта супружеская пара называла титанов Прометея или такого же, его брата – Эпиметея.

По совету Прометея, знавшего наперед исключительно все, которое лишь предстояло людям, живущим на земле, – Девкалион выстроил очень вместительный ковчег, на котором, после долгих скитаний на морских волнах, ему удалось, вместе с Пиррой, высадиться на горе Парнас. Под видом камней, бросая их через голову, после чего они превращались снова в настоящих людей, – ему удалось возродить на земле почти весь человеческий род...

Очевидно, грозный потоп вообще не коснулся семьи аттического царя. Возможно, все его семейство просто отсиделось на высоком Акрополе.

Во всяком случае, нам известно только одно: одна из царевен, дочерей царя Краная, вышла замуж за сына Девкалиона и Пирры. А еще то, что сам Девкалион основал в Афинах святилище Зевса и был похоронен в этом городе на его высоком акрополе.

Девкалионова сына называли Амфикионом. Вначале он царствовал в уже известных нам Фермопилах, – затем ему настолько понравилась аттическая земля, с которой у него установились слишком тесные связи, о которой у него сохранились самые теплые воспоминания. Как бы там ни было, этот Амфикион, в конце концов, сам отнял у тестя его царский престол.

Очевидно, одним из результатов нового царствования могла стать возможность разводить в Аттике виноград, поскольку при царствовании Амфикиона в Аттику впервые забрел бог виноделия – сам Дионис. В продолжение некоторого времени он даже гостил в гостеприимном царском доме.

Если верить преданиям, то Амфикион и сам отличался особым преклонением перед всеми олимпийскими богами. Главный аттический город, до того лишь на время переименованный Кранаем в Кранаю, снова обрел свое настоящее, истинное название – Афины.

Однако же самые усердные молитвы великой богине не очень-то помогли прожорливому узурпатору. После двенадцатилетнего правления – Амфикион был вообще изгнан из пределов Аттики.

Эрихтоний (или Эрихфоний)

Изгнал Амфикиона новый царь – Эрихтоний, тот самый чудовище-младенец, которого уронили на пол чересчур любопытные царевны, дочери Кекропа, но который, о чудо! – каким-то, непостижимым для нас образом, – остался в живых.

Его как-то все-таки выходили.

Старинное предание гласит, будто Эрихтоний, опять же, был рожден землей Геей, но уже от семени иного бога – Гефеста.

Он вырос, однако его удивительное тело, нисколько не изменилось в своих размерах. Оно сохранило в себе дерзкое сочетание змеиногo и человеческого естества.

Предположительно, сам Эрихтоний, каким-то неожиданным для нас образом, здорово напоминал собою того же Кекропа.

Молодой царь женился на нимфе Праксифее, имел от нее сына Пандиона, по внешнему виду – уже вполне человека. Новый царь не допускал даже мысли об обретении себе каких-либо культовых предметов путем презренного воровства.

На Акрополе, в возведенном еще Кекропом храме, Эрихтоний установил деревянную статую богини Афины. А еще, в честь славной богини, учреждены были им так называемые Панафинеи – самый главный праздник ее, смысл и обряды которого были известны по более поздним, уже в самом деле, – чисто историческим временам.

Этот праздник просуществовал чуть ли не две тысячи лет со дня своего учреждения. О Панафинейх мы знаем по сохранившимся литературным памятникам, в частности – по сохранившейся вазовой аттической живописи.

Праздник, похоже, первоначально считался исключительно афинским, даже городским. Он проводился летом, каждые четыре года – превращаясь в Большие Панафинеи, отличавшиеся особой торжественностью и чрезвычайной пышностью.

Главному торжеству, посвященному самому рождению великой богини Афины, предшествовали конные скачки, состязания колесниц и забеги эллинских атлетов.

Победители награждались плодами священного дерева, подаренного Аттике самой Афиной, – от ее оливы. В основном, это были оливковые ветви, а также вместительные амфоры, наполненные доверху чрезвычайно вкусным оливковым маслом.

Суть торжества заключалась в подношении богине нового покрывала, так называемого пеплоса, над изготовлением которого трудились девушки из первейших по значению в государстве и богатейших при этом афинских семейств. Изготовленный ими пеплос в тот же день развешивался на мачте священного корабля, который ставили на специальные колеса и перемещали по улицам города по направлению к храму. Там пеплос торжественно надевали на статую деревянной богини.

Шествие, сопровождавшее священный корабль, уже само по себе представляло великолепное зрелище. В нем принимали участие все государственные мужи, высшие должностные лица, жрецы, прочие знаменитые гости. Украшением шествия служили смуглые юноши, скакавшие верхом на гордых конях, а также совсем юные девушки с цветами в тонких и нежных руках, в венках на изящно убранных их волосах.

Впрочем, все участники этой процессии выглядели великолепно, и все они богатые несли богатые дары богине.

После надевания пеплоса – богине Афине приносились жертвы, а затем – устраивался всеобщий пир. На нем веселились все люди.

Надо заметить также, что именно при царе Эрихтонии храм богини Афины обрел уже довольно великолепный внешний вид.

Когда же сам Эрихтоний состарился и отправился в подземное царство мертвых, — он был похоронен возле облагороженного им и чрезвычайно ухоженного этого храма.

Пандион

Эрихтонию наследовал его сын Пандион. Молодой и энергичный, новый царь владычествовал над подданными по заветам своего покойного уже отца.

Очевидно, все аттическое государство крепло и богатело уже не только из-за того, что ими умело правил живущий на Акрополе царь и что все, подчиненные ему обыватели, от простых хлопков до богачей, весьма твердо и рачительно вели свое хозяйство, что все они лелеяли и обихаживали свои благодатные оливковые рощи.

Всего этого было еще маловато.

При Пандионе в Аттику явилась богиня плодородия Деметра, которая как раз тогда посещала все эллинские, удаленные слишком от ее центра земли.

Среди всех афинян с тех пор осталось предание, будто бы в Аттике Деметра начала свое посещение с тамошнего храма Элевсина, где она провела довольно длительное время, пребывая в печали после того, как ее единственную дочь Кору похитил бог подземного царства Гадес, или Аид.

А произошло все сказанное в то далекое время, когда Элевсин считался еще отдельным государством, которым управлял такой же мифический царь Келей. Он тоже рожден землей, а супругой у него была мифическая Метанира.

Великая богиня будто бы осталась в его доме в качестве какой-то подневольной служанки. Там она воспитала всех царских детей. Особым ее вниманием пользовался сын Келея Демофонт, однако не забывала она и о другом царском сыне – о Триптолеме.

Кора же, став супругой подземного бога Гадеса, уже под новым именем Персефона, – стала периодически возвращаться к матери волею Зевса. Ее ежегодное возвращение на землю знаменовалось к тому же оживлением всей земной зелени и сил природы, – довольная Деметра не позабыла гостеприимство довольно щедрой элевсинской земли.

Однажды, представ перед сыном царя Триптолемом, она повелела ему созвать жителей всего Элевсина⁴.

Как только они явились, шумно толкуя, что бы все это могло означать, – богиня приказала Триптолему вспахать обозримый ею участок земли.

Она лично засеяла пашню. На глазах удивленных землян, брошенные в почву золотистые комочки проросли побегами буйной пшеницы, которые покрыли ниву сплошным зеленым ковром. Побеги вытянулись прямо на глазах у собравшихся граждан. На них миглом завязались колосья, а потом в колосьях также явно поспешно созрели зерна.

Тут же в руках у богини появился сверкающий на солнце серп. Она сама сжала колосья и разбросала их на утоптанной плотно площадке, где копыта тяжелых быков выщелочили же из них крутобокие зерна. Богиня так же лично размолола урожай на жерновах и испекла из них мягкий душистый хлеб.

Жители Элевсина, вкусив полученные дары природы, не могли не убедиться, насколько доступно им тщательное возделывание пашни и насколько полезно употреблять в пищу готовый печеный хлеб, вдобавок к поедаемому одному только мясу. Они единодушно решили, что земледелие отныне станет их постоянным и неуклонным занятием.

Как бы там ни было, но оливковые рощи на аттической земле с тех пор стали соседствовать с золотистыми хлебными нивами. Привычные к мотыгам руки довольно легко усвоили и какую-то прозрачную легкость сверкающих на солнце серпа и вил.

⁴ Здесь мы невольно сбиваемся на пересказ трагедии Софокла об элевсинском царевиче Триптолеме.

Затем люди так же быстро научились обращаться с плугом, веялками и так легко доступными им жерновами...⁵

Когда же, вслед за Деметрой, как уже говорилось, в сопровождении шумной кампании в Аттику вторично явился пьяный и вечно веселый бог виноделия Дионис, – он научил всех местных жителей разводить виноград, научил выращивать их живительные сочные гроздья, обучил возделывать терпкое веселящее вино.

Подданные царя Пандиона также старались использовать каждый клочок своего надела. Еще не занятая оливковой рощей земля отходила под пашню, если же она не годилась под пашню, – там разбивали какой-то многоступенчато-ярусный виноградник.

Оказалось, виноградная лоза прекрасно плодоносит на солнечных склонах, на которых, прежде того у них выпасались вечные, как мир, бодливые козы со своими многочисленными козлятами.

Малоплодородная почва в засушливом климате давала продукты, которые можно было уже вывозить за пределы собственного государства.

О растущем благополучии жителей Аттики позволительно было судить по щедрым дарам, которые приносились к жертвенным алтарям Афины, Зевса, Диониса, Посейдона. Как только наступала пора сбора нового урожая – так постоянно веселые комосы, то есть, толпы вечно танцующего и поющего люда. Они славили богов, саму эту землю, за труд на ней, за саму свою счастливую жизнь.

Крестьянские комосы торопились от селения к селению, от одного храма к другому, от одного жилища – к соседнему.

Казалось, у аттического царя появилось достаточно причин для законных радостей всех своих поселян, – однако простое человеческое счастье обходило царский дворец почти всегда стороною.

Беды подстерегали афинского правителя все чаще и все неумолимей.

⁵ Не позабыла Деметра о своем протеже и после его земной кончины: вместе с Миносом и его братьями он теперь судит мертвых в подземном царстве.

Царевны Прокна и Филомела

Начались же эти несчастья сразу после того, как подросли и шумно загомонили все царские дети. А детей у царя Пандиона и его супруги Зевксиппы было в завидном количестве: два сына и две дочери.

Дочерей Пандиона звали Прокна и Филомела. То были на удивление красивые девушки, о которых, пусть и впоследствии, заговорила чуть ли не вся Эллада.

Здесь нам лучше сослаться на фантазию римского поэта Овидия, жившего в промежутке между 43 годом до новой эры и 17 годом уже новой эры. Приведенный ниже сюжет взят нами из его знаменитой книги «Метаморфозы» (превращения)⁶.

Влюбленный в седую древность, отлично знавший соответствующие литературные источники – Овидий, несомненно, гораздо тоньше чувствовал весь дух патриархальной эллинской жизни.

На основании всего известного ему – удалось выстроить очень красивую, даже слишком, просто красочную картинку, похожую на те многочисленные и многообразные мозаики, которые украшали полы и стены богатейших римских вилл. Наверняка чеканные строки Овидия с восторгом читались любителями высокой латинской (римской) поэзии...

Так вот, если верить Овидию, то многим личным царским бедам предшествовали несчастья и беды вполне уже государственного масштаба. Афины не раз подвергались нападениям варварских племен, которые как-то незаметно просачивались по материковой Греции. Афинским царям тоже не раз приходилось обращаться за помощью к дружественным им государям.

В этот раз на призыв афинского правителя откликнулся фракийский царь Терей, сам приходившийся сыном свирепому богу войны Аресу. Терей и привел с собою горластых воинов в высоких медных шлемах, украшенных пучками длинных перьев. В основном, то были статные конники, вооруженные очень длинными копьями и чрезвычайно острыми мечами.

Фракийцы ударили настолько напористо, что враги все вмиг побежали, спасая собственную жизнь. Афинскому царю оставалось лишь исполнить просьбу своего невольного благодетеля. А счастливому победителю очень уж глянулась старшая царская дочь – красавица Прокна.

После пышной свадьбы огорченному старику Пандиону, естественно, пришлось расставаться с любимой дочерью. Такова уж отцовская участь, будь он хоть грозным царем, или же распоследним подневольным пахарем в его пышном царстве.

Сверкая шлемом с огненно красными перьями, Терей увез указанную царевну в лесистую и слишком далекую от Афин горную Фракию, наполненную дикими конниками, постоянно воюющими не только со своими соседями, но и между собой.

Вскоре у супружеской четы, как уж водится, родился ребенок. Это был сын, наследник престола, мечта любого царя-самодержца. Малышу дали звонкое имя – царевич Итис.

Жизнь во Фракии вообще-то очень понравилась Прокне, однако вскоре царица почувствовала тоску по родным местам, по своим близким, особенно же – по младшей своей сестре Филомеле. С ней они вместе не раз, взявшись за руки, вихрем взлетали по извилистой дороге, ведущей непосредственно на высокий Акрополь...

Прокна начала умолять супруга, чтобы тот снарядил свой корабль и отправился в Афины, привез оттуда ее младшую сестру.

Ради любимой жены Терей был готов на все.

⁶ Весь труд Овидия Назона представлял в древности довольно объемистую книгу в 15 разделах.

Он действительно высадился в афинском порту Пирее, поблизости от столицы Аттики, от ее главного города Афин, но когда вступил в хорошо знакомый ему царский дворец, – то сразу почувствовал, что его просто-таки околдовали.

А причиной всему – красота Филомелы, младшей сестры его жены Прокны. Короче говоря, фракийский царь по уши влюбился в это юное создание.

И он впал в отчаяние: как тут быть? Что ему делать дальше?

Спасительную, как ему показалось вначале, мысль – навеяло ему какое-то коварное, злое божество. Терей отважился на большую хитрость. Он решил во что бы то ни стало добиться всего им задуманного.

Пообещав тестю возвратить Филомелу, как только юная царица вдоволь наговорится с нею, Терей начал собираться в обратный путь.

Опечаленному Пандиону что-то такое, вроде бы, уже предчувствовалось. Не иначе как злые, неведомые духи нашептывали ему что-то зловещее. Однако упрямый стариковский ум отказывался верить во все для себя плохое.

И все же царь Терей был себе на уме. Привезя Филомелу в свой дворец, он не допустил даже встречи обожавших друг дружку сестер. Жену он запер в своем горном дворце, а Филомеле сообщил, будто сестра ее скоропостижно скончалась, не вынеся многодневной разлуки с ним.

Не дав бедняжке даже прийти в себя, царь как-то мигом признался ей в любви и стал убеждать ее, что теперь не имеется ни малейших сомнений для объединения их судеб. Она непременно должна стать его женою!

Конечно, Филомелу потрясло все услышанное, однако, пусть и через определенное время, душевная боль успела притупиться в ней, и юное сердце поверило в случившееся. Более того – девичьи уши раскрылись навстречу поистине лживым словам... Девушка стала женой обманщика.

В конце концов, Терей, опасаясь, как бы обманутая жертва не проведала, что сестра ее жива, что тайна раскроется, отрезал Филомеле язык и заточил ее также в темницу.

Долго томилась несчастная пленница, ничего не ведая, ни на что уже не надеясь. Наконец, ей шепнули, что сестра ее жива. На тоненьком покрывале вышила Филомела историю своей, так нелепо загубленной жизни и как-то сумела передать вышитое покрывало своей сестре Прокне.

Трудно описать нам чувства старшей сестры, узнавшей о жестоком обмане. Прокне все же удалось найти свою сестру Филомелу. Убедившись в коварстве супруга, царица решила ему отомстить. Отомстить – притом самым жестоким образом.

Раздумывать было некогда... С другой стороны – что может быть страшнее для государя, чем лишиться так давно ожидаемого наследника своего престола?

Прокна отважилась на убийство. Она сочла, что единоутробная сестра ей ближе, нежели любимый сын, рожденный к тому от ненавистного ей человека, бывшего ее мужа, ставшего теперь коварным обманщиком.

Убив мальчика, в сговоре с младшей сестрою, Прокна приготовила вместе с нею замысловатое блюдо из мяса несчастного ребенка и угостила им царя.

После этого сестры как-то сразу же устремились в бегство. В мыслях они уже видели родные Афины. Они уже крепко были уверены, что найдут там надежную для себя защиту.

Когда же к Терею, отдыхавшему после сытного обеда, дошел смысл сотворенного в его царском дворце, – он тотчас же бросился в стремительную погоню.

Он уже настигал беглянок, и они отчетливо слышали топот и гортанные крики его бесчисленных воинов. Беглянкам ничего не оставалось, как только обратиться с мольбою к богам.

Сжалившись над ними, эллинские боги превратили Прокну в соловья, Филомелу – в безобидную ласточку. Тогда как разъяренного фракийского царя Теря – они обратили в лесного угрюмого удода.

Именно с тех пор у грациозной, по-девичьи легкой и вроде бы вечно беззаботной щебетуны-ласточки, и расцвело на груди четкое красное пятно, словно впившееся в нее какой-то чужеродный комочек, драгоценный камешек. Этому пятнышку суждено напоминать людям о безвинно загубленной жизни юного Итиса, сына коварного царя Теря, приходящегося также внуком аттическому, афинскому царю Пандиону.

Что же касается самого Теря – то на головах всех удодов с тех пор качаются непокорные гребни. Подобные образования, как помним, в виде гребней, раскачивались и над шлемами удалых фракийских воинов.

Конечно, узнав об участии своих дочерей и своего маленького внука, никогда им невиданного, – царь Пандион тяжело захворал и умер.

Смерть приключилась с ним не столько от болезней и старости, сколько от невыносимого горя.

Эрехфей (Эрехтей)

Царскую власть в Афинах после Пандиона унаследовал его сын Эрехфей, а другому сыну досрочно почившего царя, Буту же, – достался верховный жреческий сан.

Бут возглавил коллегия жрецов богини Афины и, одновременно, жрецов бога Посейдона. Он стал основателем нового жреческого клана, так называемого рода Бутадов (или даже Этеобутадов).

Можно также утверждать, что отныне в его руках сосредоточилась вся духовная власть в аттическом государстве.

Говоря о царе Эрехфее, следует все же заметить, что судьбу своего правителя эллины толковали по-разному. В надлежащем месте мы еще раз поговорим об этом, а пока что проследим, в первую очередь, одну из известных версий жизни этого примечательного государственного деятеля.

Те, кто был твердо уверен, будто бы все это произошло именно так, как уже объявлено нами, – те полагали, что знаменитый праздник Панафиней, по-прежнему пышно отмечавшийся в Афинах, царь Эрехфей распространил уже на всю аттическую землю. Особенно активно побуждал он своих подданных возделывать благодатную пшеницу.

Дальше, что особенно интересно для нас, ему довелось ожесточенно повоевать с новыми, нападшими на его страну чужеземцами, захватившими примечательный город Элевсин, – и даже повоевать с жителями самого Элевсина.

Скорее – надлежит даже думать нам о последнем.

Надо заметить, что Элевсин, быть может, следует даже считать более древним поселением в аттической земле, нежели сами Афины, и что только географическое положение Кекропова холма склонило чашу весов в соперничестве между этими двумя городами, – именно в пользу Афин.

Вдобавок, скажем еще, что эти города рознились своими культами: Элевсин был связан с богиней плодородия Деметрой, тогда как Афины подчинялись более воинственной, а потому и более могущественной, вооруженной копьем и щитом, богине Афине.

Как бы там ни было, дух соперничества между Элевсином и Афинами чувствуется на протяжении весьма длительного античного периода. Таковым, по всей вероятности, был он и в описываемую нами пору.

Царю Эрехфею, как некогда и его родителю Пандиону, пришлось довольно туго при защите самого города и всего аттического государства, тем более, что в этот раз на помощь из Фракии, под руководством царя Эвмолпа, прибыла подмога по призыву уже Элевсина.

Свою расчетливую политику и успешное ведение военных действий фракийские цари объясняли тесными связями с богами, даже своим происхождением непосредственно от небожителей. Предыдущий, известный нам царь Терей, так жестоко поступивший с сестрами царя Эрехфея, царевной Филомелой и со своею женою Прокной, – был, как еще раз вспомним, сыном бога войны Ареса. Этот же, царь Эвмолп, приходился сыном не менее грозному олимпийцу богу Посейдону, владыке вечно шумящих морей.

Сил Эвмолпу было не занимать, и он пожелал навсегда осесть на земле в Элевсине, настолько сильно глянулось ему тамошнее место и тамошнее царство. В его понимании, аттическая земля во многом превосходила сырые и мрачные горы, и где только ржут неуправляемые кони, где вечно раздаются звуки боевых труб и постоянно льется человеческая кровь.

Сам Эвмолп был сыном Посейдона и Хионы, внучки афинского царя Эрехфея. Боясь гнева отца, Хиона бросила ребенка в море, но его спас Посейдон. Ради воспитания он даже перенес ребенка в Эфиопию.

Все эллины считали Эвмолпа основателем таинственных мистерий, периодически повторяемых празднеств в честь богини Деметры и ее дочери Коры. Элевсинские мистерии отражали радость людей при пробуждении весенней природы. Недаром его самого считали впоследствии превосходным певцом⁷.

Этот праздник стал весьма значительным торжеством во всем эллинском мире, и жрецы, стоявшие во главе всего этого культа, почитались по всей Элладе.

Жреческий род Эвмолпидов в Элевсине – факт уже вполне исторический, подтвержденный документами более поздних времен.

Борьба Афин с Элевсином продолжалась довольно долго, так что отчаявшийся царь Эрехфей обратился даже к Дельфийскому оракулу.

Жрица Аполлона, древняя, как мир, Пифия, откинув со лба давно уже седую прядь, дала на этот раз недвусмысленный ответ. По всей вероятности – это был совет наиболее срочных действий.

– Спаси царский трон, – сказала старуха, – может только царевна Хтония, если девушка принесет свою жизнь на алтарь бога Посейдона!

У царя Эрехфея, надо сказать, насчитывалось немало дочерей. Все они жили душа в душу, кроме самой старшей, и когда Хтония, выслушав слова отца, пошла на верную смерть ради милой отчизны, – младшие сестры, глотая слезы, тоже последовали ее примеру. Девушки не желали расставаться друг с дружкой даже в подземном царстве.

Результатом самоотверженных поступков юных царевен и стала важнейшая победа афинян. Эвмолп убрался восвояси, сильно негодуя на вмешательство своего отца Посейдона.

Правда, сохранились также глухие упоминания о том, будто бы события в Аттике развивались вовсе не в таком миролюбивом ключе. Будто бы фракийский царь Эвмолп не ушел из городка Элевсина, но погиб в жестоких схватках, как и подобает воинам, так что разгневанный отец его, всемогущий бог Посейдон, вынужден был обратиться к своему младшему брату Зевсу.

Посейдон потребовал смерти для победителя, для афинского царя Эрехфея. Громовержец живо откликнулся на братнину просьбу. Бьющая без промаха молния тотчас же полетела на преждевременно ликующую Аттику...

Таковой была судьба этого аттического царя Эрехфея, брата несчастных царевен Прокны и Филомелы.

Впрочем, передают и другое известие: говорят, будто бы дочь Эрехфея, Прокрида, ставшая женою Кефала, потомком самого Девкалиона была уличена в супружеской измене с неким Птелеонтом... Она, вроде бы, соблазнилась золотым венцом, подаренным ей этим бравым молодцом.

Опасаясь расплаты, Прокрида в страхе бежала на Крит к царю Миносу, который и без того страдал сильным недугом, насланным на него его супругой Пасифаей. Убивая всех змей, скорпионов и сколопендр, этот царь умерщвлял и всех, сходявшихся с ним смертных женщин.

Правда, сама Прокрида осталась жива, выпив настой волшебной травы мёли, а потом и вообще излечила Миноса от бесплодия, заставив его испустить скверну в мочевого пузырь козы, а затем снова сойтись со своей Пасифаей. За это Минос подарил Прокриде пса Лайлапса и быющее без промаха копьё.

Возвратясь назад в Аттику к мужу Кефалу, дочь Эрехфея была нечаянно убита именно этим самым копьём.

⁷ Более того: само его имя означает в переводе с древнегреческого языка означает «прекрасное пение», «хорошо поющий».

Ион

По одной из версий, после смерти дочерей и после трагической гибели самого царя Эрехфея, – все же осталась в живых его дочь Креуса.

К моменту гибели отца, даже к моменту ведения им самой последней войны на территории Аттики, она оказалась далеко от самого Эллина, родоначальника всех греческих племен, доводившегося, в свою очередь, то ли сыном герою Прометею, не то – так даже сыном самому верховному эллинскому богу Зевсу.

Об этой Креусе тоже рассказывали самые удивительные истории, одну из которых поведал нам поэт Еврипид в своей, какой-то необыкновенно изысканной трагедии «Ион».

Суть всей этой истории заключается в том, что указанная нами царская дочь, будучи совсем еще юной девушкой, довольно часто гуляла в окрестностях знаменитого акрополя, отбившись каким-то образом от стайки своих остальных сестер.

По всей вероятности, она была в семье царя Эрехфея самой старшей дочерью, и в ее голове роились уже сладостные мысли о будущих женихах. А пока что она садилась на разогретые солнцем камни, собирала растущие в поле довольно редкие там цветы, в крайнем случае, – рассматривала пашущих в поле крестьянских волов, а также прилеглих на отдых дойных коров, а то и просто наблюдала за вездесущими на каменных склонах змеями.

Там-то как раз и заметил явно скучающую девушку носившийся по эфиру бесцельно бог Аполлон. Необычная красота ее поразила даже этого, разгульного, казалось, вполне небожителя.

Разумеется, всемогущему богу, самому необычному красавцу, ничего не стоило предстать перед девушкой, просто пропеть ей песенку, даже исполнить какой-то замысловатый танец, аккомпанируя себе самому на звонкой кифаре.

Улучив подходящий момент, он увел ее в прохладу ближайшей пещеры, где вечно следовавшие за ним музы и нимфы уже подавали в кубках искрящееся на солнце золотое вино и какие-то, никому на земле неизвестные олимпийские сладости и разные там угощения.

После неоднократных подобных встреч царица родила младенца, которого вынуждена была оставить в знакомой до боли пещере, поместив самого ребенка в чудесную ивовую корзинку и снабдив эту корзинку дорогими подарками, в том числе – золотыми украшениями в виде изображения громадной черной змеи.

Конечно, неопытная царица вовсе не отдавала себе отчета, что может случиться в дальнейшем с ее крошкой сыном.

Однако о младенце позаботился его божественный отец.

Сидя то ли на своем заоблачном Олимпе, то ли спустившись на гору Парнас, Аполлон попросил своего брата Гермеса перенести корзинку с новорожденным младенцем прямо в Дельфы, в его, Аполлоново, главное святилище.

Младенец прижился при тамошнем храме.

Находясь под присмотром прорицательницы Пифии, он дошел даже до своих полных юношеских лет...

А царица Креуса, тем временем, как нам тоже известно, была выдана замуж за царя Ксуфа, которого, после смерти собственного царя Эрехфея, афинские граждане избрали новым своим государем.

Однако детей у царской четы все также и не было и даже не предвиделось в будущем. Огорченные супруги решили обратиться непосредственно к богу Аполлону.

В Дельфы они направились порознь, и пока там не было Ксуфа, опередившая его Креуса, попыталась узнать что-нибудь о судьбе оставленного в пещере собственного сына.

При храме Аполлона царицу поразила вид красивого светлокудрого юноши, который прислуживал там. В ней, вроде бы, даже вспыхнуло что-то, какая-то смутная догадка, слабое предчувствие, которое усилилось после того, как юноша принялся отвечать на ее же вопросы.

Пока она была занята ответами юноши, появился сияющий от счастья и радости Ксуф. Оказывается, в другом святилище, тоже тесно связанном с тем же богом Аполлоном, его заверили, что домой возвратится он – уже непременно вместе с сыном!

Все получилось именно так.

Ответ Пифии на вопрос Ксуфа прозвучал сногшибательно:

– Твоим сыном, Ксуф, станет тот юноша, которого ты встретишь сейчас же при выходе из Аполлонова храма!

Вихрем вылетел наружу обретший, наконец-то, верную надежду на будущего сына Ксуф. Ему отчаянно захотелось увидеть, кто же ему повстречается на пути.

И тут же ему повстречался тот самый храмовый служитель, который как две капли воды похож был на бога Аполлона.

К удивлению Ксуфа, юноша нисколько не стал противиться судьбе, когда Ксуф, глотая слюну, объявил ему волю только что выслушанного им высокого божества.

Юноша даже обрадовался, узнав, что теперь у него теперь будет отец, притом не кто-нибудь, – но сам афинский царь Ксуф!

– А кто моя мать? – поинтересовался при этом он.

Ксуф, к своему удивлению, не знал на это прямого ответа.

Обретенный сын получил от него имя Ион.

Счастливый отец решил сразу устроить в честь вновь обретенного сына настоящий пир.

Креуса, ничего не ведавшая об оракуле, полученном ее мужем Ксуфом, о его намерениях относительно сына Иона, все же выведала от рабынь, будто бы юноша, который служит при храме, который так понравился ее хозяину, в самом деле – побочный сын ее супруга.

Быть может, екнуло ее сердце, его родила какая-нибудь рабыня? И это все значит, что, пусть и со временем, такой вот человек усядется на афинском престоле?

Нет, подобного поношения царской власти Креуса вытерпеть не могла.

Как же быть?

И тут она вспомнила о яде, полученном ею еще от своего отца Эрехфея...

– Этот Ион должен умереть! – велела царица своему слуге, будучи уверенной, что тот исполнит ее, пусть даже малейшую просьбу.

Старику-рабу удалось лишь наполовину исполнить приказ своей госпожи. Кубок, предназначенный для Иона, таил в себе мгновенную смерть, однако юноша, заметив что-то неладное в слишком поспешных движениях раба, вылил все содержимое кубка просто на землю.

Голуби, которые всегда водились при любом дельфийском храме, так и набросились на дармовое для них угощение. Один из них, проглотивший несколько капель напитка, встряхнул вдруг крыльями, упал на землю и испустил отчего-то свой дух.

– Я все понял! – побледнел лицом Ион.

Юноша заставил раба сознаться, кто же повелел тому влить такую отраву в кубок с вином.

А дельфийские старейшины, к которым он обратился с обвинением-иском, сразу же осудили Креусу на смертную казнь. Обреченная царица тут же бросилась к жертвеннику Аполлона, ища для себя спасения.

И там, благодаря сохранившейся при храме корзине, в которой когда-то Гермесом был доставлен в святилище в Дельфах сильно плачущий младенец, – мать и сын как-то сразу узнали друг друга.

Доказательствами их родства как раз и стали те дорогие украшения с изображениями чрезмерно громоздкой змеи.

Мать открыла сыну тайну, кто же был его настоящим отцом. Для подтверждения своих слов она обратилась к Афине, которая незримо присутствовала при их разговорах.

Шлемоблещущая богиня, подтвердив все сказанное Креусой, велела следовать Иону за Ксуфом.

– Ты унаследуешь трон своего деда Пандиона! От тебя произойдут самые славные афинские роды. Твои потомки, ионяне, ионийское племя, заселят все, вокруг тебя лежащие, земли!

Все так и получилось. Какое-то время спустя – Ион стал правителем Аттики.

Справедливости ради надо заметить, что с именем Эллина, земного предка Иона, греки связывали происхождение всех греческих (иначе эллинских) племен.

Кроме Ксуфа, у Эллина были сыновья Дор и Эол – родоначальники дорийцев и эолийцев. Внуком Эллина был также рожденный Креусой, помимо Иона, сын Ахей, ставший родоначальником всего клана ахейцев.

Вот от этих-то четырех мужей и произошли все прочие эллинские племена: дорийцы, эолийцы, ионийцы и ахейцы.

Эгей

Как видим, много чего могли рассказать о царе Эрехфее говорливые жители Аттики. Песни об этом царе распевались на праздниках даже по случаю сбора винограда.

Афиняне слушали старых и увечных певцов, бродивших от селения к селению в сопровождении пронырливых мальчишек-поводырей.

Кстати, старики-певцы очень уж радовались, будучи приглашенными к царскому очагу, где их ожидало добротное, обильное угощение, внимательные слушатели и длительное пребывание под надежной крышей, в тепле и в сытом довольстве.

И все же о царе Эрехфее существовали также иные предания, в том числе – и особая версия, о которой мы поговорим сейчас еще более подробно.

Вдумчивому читателю она покажется весьма неожиданной, поскольку, согласно ей, и сам царь Эрехфей и, стало быть, его наследники, о печальных и радостных событиях в его жизни которых мы уже столько наговорили, – все они являются фигурами, сказать бы, скорее всего, виртуальными, нежели реально существующими.

Так вот, согласно этой версии, никакого царя Эрехфея в Аттике никто никогда не видел, никаких таких песен или рассказов о нем никогда там не слыхивали и, стало быть, никогда не распевали о чем-то подобном слепые бродячие певцы!

Само же имя его – всего лишь дериват, разновидность, или же просто – синоним от имени Эрихтоний, которое носил еще царь-змей, рожденный богиней Геей и ставший отцом царя Пандиона.

Слово же Эрехфей, полагают знающие в этом толк ученые люди, сочтено было отдельным именем уже в историческую эпоху. И чуть ли не впервые употреблено оно в самостоятельном значении в V веке до новой эры. А сделал это уже знакомый нам поэт Еврипид.

Вот как.

Что же, если все это и в самом деле происходило именно так, то все наши рассуждения о царе Эрехфее и о всех его наследниках, были неведомы древним эллинам, и если все это действительно придумано поэтом Еврипидом, – то нам остается снова возвратиться непосредственно к старику Пандиону.

Оказывается, согласно этой версии, царь Пандион мужественно перенес известия о всех несчастьях, постигших его дочерей и внука в далекой от Афин и весьма неприветливой для них Фракии.

Быть может, именно с указанной поры он просто все чаще и чаще стал удаляться в окружающие высокий Акрополь оливковые рощи. Цель у него отныне была одна. Она заключалась лишь в том, чтобы послушать там трели такого дорогого для него соловья, поглядеть на полеты ласточек с красными комочками на белой грудке, которые щедро лепят гнездышка на стенах белостенных крестьянских домов, и смахнуть при этом скупую отцовскую слезу.

Быть может, с затаенным отцовским ужасом взирал старик на мелькавшего среди каких-то бесформенных ветвей крупноклювого лесного удода, осененного короной из жестких красноватых перьев.

Такая непозволительная для афинского царя задумчивость и соседствующая рядом с нею медлительность, быть может, все же способствовали тому, что некий бородатый и крепко лысый уже старик Метион, родственник царя Пандиона, давно уже сгоравший от черной зависти, решил про себя, что пришел, наконец, его звездный час!

Коварный Метион устроил заговор против аттического царя и сумел захватить давно уже вождельный им царский престол.

Пандион, собрав все свои пожитки, глухой ночью, когда все в городе крепко спали, бежал куда-то в направлении Мегар.

Пробравшись по горным тропкам, он явился во дворец прямо к мегарскому правителю, своему коллеге. Тот принял соседа, внимательно выслушал его и помог обжиться ему на новом месте.

Однако несчастья, по всей вероятности, давно уже выселили из головы Пандиона былую молодость и неизбывную его энергию. Он вроде бы позабыл об начисто ушедших своих дочерях и принялся жить сначала.

Приглядевшись к беглецу, поразмыслив, – мегарский царь определенно пришел к невероятному для себя выводу, что с таким соседом следует обращаться слишком обдуманно, ведь как никак, – а это вполне законный государь, пусть и прежний. Рано или поздно либо сам Пандион, либо же его потомки, могут оказаться снова на царском троне...

Мегарский царь призвал к себе свою красавицу дочь Пилию, посмотрел на ее румяное личико, уловил взгляд ее задумчивых глаз и объявил девушке, что выдает ее замуж за гостя, аттического царя Пандиона, зная наперед, что пришедший экс-царь от такой необычной радости вознесется куда-то на седьмое небо.

Юная Пилия, подчинившись отцовскому повелению, вскоре подарила своему супругу четырех сыновей – снова эта же цифра! – среди которых был и ведомый нашим читателям из каких-то иных источников царевич по имени Эгей.

Эта же версия утверждает, что Пандиону не довелось больше заглянуть за высокие горы, отделявшие Мегары от Аттики. Лысый Метион, захвативший власть на Акрополе, держал ее цепко, – как волк удерживает в своих лапах ягненка, а ястреб – непомерно прыткого голубя.

Впрочем, жизнь изгнанника в Мегарах, если позволительно судить по более поздним, уже твердо историческим временам, протекала более или менее тихо, мирно, иногда – даже очень богато. Никто не забывал, кем был Пандион на самом же деле. Пандион даже вступил в родство с другими царями путем женитьбы своих сыновей на их дочерях.

Очевидно, Пандион, в конце концов, смирился с выпавшей на его удел судьбой. Однако все же он не упускал при этом случая поведать своим сыновьям о своей прежней жизни, о высоком акрополе посреди просторной зеленеющей равнины, о мощных крепостных стенах, о прекрасном храме Афины-девы, о могилах предков. Он думал, быть может, что они лишены сейчас не только всяческого уважения и почитания, но даже и надлежащего ухода... Со вздохами вспоминал он нивы и виноградники, приносящие все новые и новые богатства своим, не в меру счастливым владельцам.

Пожалуй, его сыновья и сами видели все это собственными глазами. Тогда ведь не существовало еще никаких границ с полосатыми пограничными столбами, с пронизательными взглядами часовых, с визами и с какими-то слишком заносчивыми сторожевыми псами. На придорожных камнях, в лучшем случае, путникам удавалось прочесть, что за этим камнем – уже начинаются земли другого государства. И все.

Трудности перемещений из страны в страну заключались тогда в ином: как одолеть расстояние, разделявшее два любых города, как не попасть при этом в руки разбойников, не быть проданным в унылое, какое-то горько-постыдное рабство...

Для молодых и крепких парней, каковыми были сыновья тогда Пандиона, путешествия такого рода оборачивались лишь щекотанием нервов, пробой их буйных, расцветающих сил.

Да и отправлялись они в дорогу в окружении своих собственных рабов, погонщиков мулов, разного рода возниц, дубиноносцев и тому подобных дорожных спутников. И ехали они верхом на конях, будучи зажиточными людьми, принадлежащими даже к высокому царскому роду.

Несомненно, рассказы родителя находили себе подтверждение. Никто не знает, о чем толковали царевичи, возвратившись с бывшей отцовской родины, а тем более, никто уже не узнает, что завещал им отец, упав, наконец, на жуткое смертное ложе.

Обо всем этом можно лишь строить какие-то умозрительные догадки.

Когда же в последний раз содрогнулась желтая земля, когда погасли затем погребальные костры, утихли, наконец, голоса состязающихся атлетов и прекратился стук быстроколесных колесниц и повозок, – сыновья покойного начали готовиться к новому походу.

Собрав все необходимое, по их расчетам, войско, – они повели его за слишком высокие горы, осадить Афины, изгонять оттуда лысого Метиона и его упрямых, многочисленных сыновей.

Надо прямо сказать, затея эта полностью удалась.

То ли Метион растерял уже свою былую бдительность и нисколько не думал, что возмездие способно отыскать его через столько лет, то ли силы его сыновей оказались не столько уж грозными, – но на афинском Акрополе уселся новый, вполне законный царский наследник.

Имя нового царя, как уже догадался наш смысленный читатель, звучало вполне знакомо ему: Эгей.

Однако он не был настоящим сыном недавно усопшего Пандиона.

Очевидно, Эгей стал самым подходящим кандидатом на царский престол то ли из-за собственной удали, то ли по причине своего старшинства среди братьев, а то и в силу прямого отцовского завещания.

Короче говоря, он был лишь приемным сыном старика Пандиона...

Как бы там ни было, а все же остальные братья вынуждены были ему подчиниться, в глубокой тайне досадуя, что судьба так благосклонно обошлась с приемным сыном Эгеем, что он остался в живых во всех проведенных ими сражениях.

Есть предположение даже, будто особое недовольство выражал по этому поводу сводный брат Эгея – Паллант, в самом деле – родной сын почившего Пандиона.

Недовольство Палланта, его тайные, воистину страстные надежды, нашли еще более четкое и более яркое свое выражение, после того, как Эгей женился, а детей у него, по-прежнему, так и не появлялось.

Семейство же самого Палланта разрасталось с удивительной быстротой: вскоре в нем насчитывалось уже пять десятков одних только сыновей!

У Палланта, конечно же, было много жен. Его примеру последовал и Эгей, обзаведясь также второй супругой. Но положение с наследником не изменилось и после второго брака: детей у Эгея не было по-прежнему.

Конечно, после этого Паллант и все его сыновья стали поговаривать о своем, вполне законном праве претендовать на аттический трон уже после совершившейся смерти Эгея.

Им оставалось теперь дожидаться этой, такой желанной им смерти и решить между собой, кому же усесться на трон, если уж и не самому Палланту, то кому-либо из его многочисленных сыновей, так называемых Паллантидов.

Совсем отчаявшись, Эгей отправился в Дельфы к оракулу сребролукого бога Аполлона, чтобы спросить его о причине своей, такой закоренелой бездетности.

Пифия дала ему слишком загадочный ответ, смысл которого Эгей так и не разгадал, даже не совсем и понял. Ответ ее сводился к тому, что афинский царь не должен даже помышлять о каких-либо женщинах, пока не возвратится в свои родные края...

Что же из этого?

Расстояние от Дельф до Аттики, вплоть до самих Афин, – не бог весть и какое, даже для тех, патриархально сказочных времен.

Эгей преодолел его в кратчайшие сроки, в точности выдержав все указания оракула, однако не заподозрив никаких перемен в своей и без того уже слишком незадачливой личной судьбе.

Лишь какое-то время спустя, кто-то подсказал ему, либо же он сам додумался до такого, да только решил он навеститься к своему старинному другу, к царю Питфею, владевшему городом Трезеном.

Этот Питфей приходился сыном знаменитому Пелопу, тому самому, по имени которого называется теперь весь полуостров – Пелопоннес; а еще – он был сыном Гипподамии. Впрочем, нам о нем предстоит толковать особо.

О самом Питфее современники говорили, что он владеет пророческим даром и всю волю богов понимает с полупамятки.

Сам город Трезен находился уже за сверкающей своей синевою водами Саронического залива, за упоминаемым нами островом Эгиной, а затем – и за маленьким островком Калаврией.

Этот городок очень долго носил имя морского бога Посейдона, долго славился своим великолепным портом, называемым в старину неким загадочным словом – Погон.

На этот раз Питфей внимательно выслушал гостя, попивая вместе с ним благодатное вино, похожее скорее на искрящийся нектар, употребляемый исключительно высокими небожителями.

Очевидно, пирующие засиделись до поздней ночи, но никакого совета в продолжении всей беседы Питфей так и не обронил, хотя сразу же понял, что стоит за полученным оракулом старой Пифии.

Эгею, заключил, в свою очередь царь Питфей, суждено стать отцом великого героя, сродни величайшему удалцу Гераклу, слава которого отныне гремит по всей Элладе. А коли так, решил этот правитель, то неплохо было бы породниться с ним, ничего об этом не ведающим счастливым.

– Что же, – где-то под утро сказал хозяин. – Теперь тебе пора отдохнуть. Ступай в свою опочивальню.

Когда на утро Эгей проснулся, то из разговора со своим старинным другом ему сразу же стало понятно: прошедшей ночью он ласкал вовсе не молодую податливую рабыню, как это было в обычаях тех времен, – но дочь своего приятеля, красавицу Этру, к которой сватались многие греческие герои, вот хотя бы Беллерофонт⁸!

Открывшееся обстоятельство несколько не смутило Эгея, но лишь заинтриговало его.

В гостеприимном Трезене он провел довольно продолжительное время, вполне достаточное для того, чтобы удостовериться: юная царевна уже носит в своем лоне будущего наследника афинского престола!

Перед своим отъездом из Трезена Эгей повел Этру на берег шумного моря. Убедившись, что их никто не видит и не слышит, Эгей снял с себя свой тяжелый меч и богато украшенные сандалии. Затем приподнял огромный замшелый камень и положил все это в образованное самой природой небольшое углубление и снова опустил камень на его прежнее место.

– Когда наш сын достигнет полного совершеннолетия, – сказал он Этре, – ты приведешь его к этому камню. Если сдвинет с места всю эту тяжесть и возьмет мой меч и мои сандалии, – присылай его немедленно ко мне в Афины. Но куда и зачем пойдет он, кто его отец, – не говори никому. Слишком много на свете недобрых людей.

Эгей по-прежнему опасался козней со стороны грозных и могучих своих родственников – Паллантидов.

⁸ О Беллерофонте мы будем также говорить, в пределах этой книги.

Тесей

Все получилось в точности так, как и велел Эгей и как ему предсказывал его друг Питфей. Родившийся у Этры мальчик был назван Тесеем и воспитывался он под руководством самого старика Питфея.

Мальчик с юных лет поражал окружающих своей необыкновенной энергией, силой и красотой, а также своим вообще недетским умом.

Довольный исключительно им, Питфей только ухмылялся в густую бороду, глядя на успехи какого-то явно «приблудного» внука. При этом он распускал усиленно слухи, будто отцом Тесея является сам бог Посейдон.

Таким заверениям никто в Трезене особо не удивлялся. Словам старика верили, а самому Питфею – даже завидовали.

Надо же так! Немногие удостаиваются подобной чести... Какой-то, воистину божественный мальчуган подрастает у старого Питфея...

В голове у малыша между тем вертелись мысли о подвигах, подобным подвигам Геракла. В раннем детстве Тесею самому удавалось даже поглядеть на могучего героя, когда тот забредал иногда во двор его старого деда. Они вроде бы были большими друзьями. Тесей, все говорили, даже подержал в своих руках доспехи Геракла, лишь на время приставленные к стенке Питфеева дворца.

А царевна Этра, души не чаявшая в сыне, все сильнее и сильнее проникалась убеждением, что мальчик ее уже в состоянии сдвинуть с места указанный Эгеем такой большущий камень.

Как только Тесей достиг шестнадцатилетнего возраста, мать повела его на берег моря и тут же поняла, что нисколько не ошибается в своих самых смелых предположениях. Юноша, в самом деле, довольно легко и ловко справился с громоздким и тяжелым камнем.

С отцовским мечом в руке и с отцовскими сандалиями на ногах Тесей показался матери уже настоящим героем, к тому же – великолепным красавцем.

Это и в самом деле было так.

К сказанному надо добавить еще и то, что сам Тесей побывал и в Дельфах, где, по обычаям тогдашнего времени, свои волосы посвятил Аполлону, срезав их под прямым углом металлом, тогда как нетронутые железом светло-русые кудри – ниспадали ему на широкие плечи.

Восторженная мать открыла сыну тайну, кто же является его отцом на самом деле и передала ему строгий отцовский приказ:

– Ступай немедленно в Афины!

Юный герой отправился в Афины пешком, несмотря на то, что по морю в Аттику было гораздо ближе и вполне безопасней было попасть. Ради этого стоило лишь обогнуть островок Калаврию, затем – довольно большой остров Эгину.

Нет, Тесей хотел доказать, что он ничего и никого не боится. Он желал проверить себя, хотел явиться в Афины уже после свершения какого-нибудь, в самом деле, величайшего подвига, а если удастся – то и множества подобных подвигов.

Как ни умоляла сына мать Этра, как ни уговаривал приемного внука дед Питфей, – Тесей все-таки не переменял своих планов. Правда, он внимательно выслушал все предостережения деда насчет разбойников и чудовищ, которые ему непременно встретятся на пути в Афины.

– Запомни только одно, – настаивал сильно постаревший Питфей. – Эта нечисть подняла сейчас головы и ничего не опасается, поскольку здесь нету силача Геракла. Геракл где-то в Азии... Блуждает по ее необозримым просторам...

Первый из упомянутых Питфеем разбойников повстречался ему неподалеку от ближнего к Трезену города Эпидавра.

То был Перифет, сын бога Гефеста, получивший у запуганных окрестных жителей ловкое прозвание «Дубинщик», поскольку оружием негодяю служила огромная дубина, при помощи которой он умерщвлял застигнутых в дороге одиноких путников.

Нечто похожее этот хмурый разбойник с низким собачьим лбом, окутанным растрепанными рыжими волосами, хотел совершить и с кудряво-русым Тесеем, но не успел или не сумел ничего такого предпринять. Тесей увернулся от его смертельного молниеносного удара и так ловко взмахнул в ответ отцовским мечом, что разбойник камнем рухнул на землю, даже не сообразив, почему глаза его застилают липкое и красное пламя.

Прикончив Перифета, Тесей подобрал его дубинку, как бы взвешивая дерево в руках, и решил ее взять с собой. С тех пор он всегда носил ее при себе, как самый первый и по-настоящему достойный внимания его личный трофей.

Следующим препятствием на пути воодушевленного своей первой победой юноши стал разбойник Синис, сын Прокруста, о котором еще будет вестись у нас более подробная речь.

Этот Синис выбрал для себя самый удобный род занятий.

Сидя на узком перешейке, при так называемом Истме, весьма узком горном проходе, где громоздились очень высокие горы, на каменных спинах которых каким-то чудом держались красноватые сосны, – Синис подстерегал одиноких путников у этих могучих древесных стволов. Появляясь неожиданно, он хриплым криком предлагал вступить с ним в единоборство, в котором он, естественно, всегда оказывался победителем.

– Коли так, – говорил он побежденному путнику подобревшим вдруг голосом, – то я волен сделать с тобою все, чего только ни захочу. Достанься победа тебе, – я бы даже не вздумал противиться твоей воле.

Синис привязывал побежденного путника к вершинам пригнутых его сильной рукою крепких придорожных сосен, а затем, с печальным вздохом, отпускал их, гудящих от непосильного напряжения, – и они, выпрямляясь, разрывали в клочья несчастную жертву. Так погибло уже много путников.

Однако Тесей был готов к новой схватке. Одолев очередного разбойника, он поступил с ним так же, как тот поступал с другими, уже обреченными на неминуемую казнь путниками.

Победителем вышел Тесей и при встрече с прочими темными силами, а именно: со страшной разбойницей, жившей неподалеку от города Кроммиона и носившей по этой причине прозвание Кроммионская свинья, а также с матерым разбойником Скироном.

Последнее случилось уже на чисто мегарской земле. Скирон, надо заметить, считался сыном неукротимого бога Посейдона. Убивая людей на дороге между Мегарами и Афинами, разбойник сбрасывал их тела со скалы в открытое море, где они неизбежно становились поживой для чудовищных размеров черепахи.

О самом Скироне ходили весьма упорные слухи, будто он вовсе и не Посейдонов сын, но отпрыск самого мегарского царя. Поговаривали даже, будто бы прежде он был женат на дочери афинского царя, знакомого нам Пандиона, когда тот оказался уже в Мегарах, и будто бы этот Скирон оспаривал даже мегарский трон у сына царя аттического Пандиона – у некоего Ниса. Тяжба завершилась тем, что мегарский престол, действительно, оказался в руках царя Ниса. После такой, казалось бы, воистину человеческой несправедливости, – Скирону пришлось поневоле обратиться к своему разбойному промыслу.

Управившись со Скироном, Тесей продолжил свой путь в направлении Афин.

Уже на аттической земле, близ известного нам Элевсина, – Тесей убил аркадца Керкиона (кстати, тоже будто бы сына морского бога Посейдона). Этот Керкион поджидал путников между Мегарами и Элевсином. Кажется, в период вспыхнувших смут на аттической земле ему, Керкиону, удалось захватить даже славный в истории Эллады город Элевсин.

Подобно прочим разбойникам Керкион – заставлял своих путников вступать с ним в борьбу, а затем, легко добиваясь победы, безжалостно их умерщвлял.

Тесей превзошел силой и этого разбойника по всем статьям, проявив при этом исключительное борцовское мастерство, даже определенное искусство в единоличной борьбе.

Конечно, одним из важнейших подвигов Тесея стала его победа над самим Прокрустом (он же Дамас, он же и Полипемон), который установил два ложа в самом затруднительном для путников месте, близ уже упоминаемой нами реки Кефис. Одно из них было слишком маленькое, а другое – чересчур уж большое.

На большое ложе разбойник укладывал мужчин незначительного роста и начинал колотить по их ногам металлическим молотом, уподобляясь кузнецу, который удлиняет кусок раскаленного металла. Тяжеленный молот безжалостно дробил человеческие кости, доводя людей до мучительной гибели. Если же путник был высокого роста, то его поджидали иного рода мучения: разбойник бросал его на маленькое ложе и принимался отсекал ему слишком длинные конечности, стараясь втиснуть окровавленное тело в это мерзкое сооружение.

Одолев и этого мучителя людей, Тесей полностью очистил дорогу, сделав ее свободной для всех мирных путников.

После таких бесконечных схваток с чудовищами и разбойниками, как-то незаметно для себя, Тесей оказался в аттической земле.

Он шагал по каменистой дороге, вдоль которой, по обеим сторонам ее, виднелись хорошо ухоженные оливковые рощи, а на возвышенностях – бродили козы стада, охраняемые пастухами в широкополых шляпах и с такими же, крайне лохматыми собаками, с белыми и острыми зубами, а по пыльным дорогам неспешно катились влекомые рогатыми волами скрипучие повозки.

Увиденные картины заставили юношу, в конце концов, ускорить свои шаги.

А еще он ловил на себе озадаченные взгляды встречных людей.

Правда, он тут же понял, что эта человеческая озабоченность связана с его увесистой дубинкой, отнятой у побежденного им первого разбойника Перифета. Тесей положил дубину себе на плечо.

Еще сильнее ускорились Тесеевы шаги после того, как на огромном коричневом возвышении открылась перед ним чудесная крепость, сверкающая белыми стенами и красными черепичными крышами, тоже с каким-то несказанным отливом.

– Да это же Афины! – догадался юноша и тотчас же услышал подтверждение своим догадкам от людей, которые уже начали прикидывать, кого они видят, поскольку молва о подвигах какого-то загадочного героя летела уже далеко впереди него самого.

Тесея приветствовали и угощали многие аттические граждане, дотошно расспрашивали, кто он, откуда явился к ним, к афинянам. Собеседники старались убедиться, что все слышанное ими о подвигах на дорогах, ведущих непосредственно в Афины, – является настоящей правдой, а нисколько не вымыслом.

Прогулка по отцовской земле становилась удивительно веселой, приятной, радостной и даже – какой-то необычно легкой.

Никому не говоря, чей он сын и с какой такой целью спешит в Афины, Тесей все же внимательно вслушивался в человеческий гомон, стараясь как можно больше узнать о своем отце, которого он никогда еще не видел, однако же был по-прежнему уверен, что отец его поджидает, что он несказанно обрадуется неожиданному появлению.

Тесей узнал, что его отец жив, здоров, но что афинскому государству сейчас угрожают многие внешние враги. Однако о внутреннем спокойствии в государстве, заключил он из подслушанных им разговоров, нельзя было сделать каких-нибудь утешительных выводов.

То и дело ушей пришедшего героя касались слова: Медея, Мед, Паллант и Паллантиды. Жители Аттики, набредая языками на эти имена, невольно утихали и старались перевести свои разговоры на его, Тесея, невероятные подвиги...

С такими мыслями и надеждами Тесей добрался до подножия афинского акрополя. Он поднялся уже по ступенькам на какую-то возвышенность, остановился перед храмом богини Афины, перед ее священной деревянной статуей.

Оттуда открывался вид уже на роскошный царский дворец.

Тесей еще в пути представлял себе, как он будет встречен родным отцом, но мысли в пути его были отрывочными, неясными по своей главной сути, а здесь... Сейчас он увидит царя, стоит лишь миновать вот эти каменные колонны, войти под нависающие над головою темные своды. А там... Он непременно увидит своего отца.

В Афинах того времени давно не было спокойной жизни, во всяком случае – для царя Эгея.

Впрочем, он и сам был уже далеко не тем неукротимым жизнелюбцем, еще неподвластным всецельной старости, каковым виделся людям хотя бы в последний свой приход в Трезен. Да, годы наложили на афинского царя свои крепкие отпечатки. Эгей поседел и начал даже сильно сутулиться под бременем лет и от тягостей своей нелегкой жизни.

Дело в том, что Палланту и его дерзким сыновьям не терпелось поскорее завладеть царским тронem. Измученный в явной и скрытой борьбе, Эгей усматривал теперь заговоры уже во всем, творящемся вокруг, и потому с подозрением относился даже к своим придворным, не говоря уже об иностранцах и всяких разных, незнакомых ему пришельцах.

Подобное настроение в афинском государстве и обществе поддерживала демоническая черноглазая женщина, та самая колхидская царевна-чародейка, которую в Элладу привез другой выдающийся герой под именем Ясон, возглавлявший поход греческих удалцов на корабле «Арго» к берегам далекого от Эллады Кавказа.

Они плавали туда за золотым руном.

Страстно полюбив Ясона, Медея уже не останавливалась ни перед какими преступлениями. Она хладнокровно убила своего брата Апсирта, лишь бы помешать своему отцу Ээту, колхидскому царю, настичь укравших золотое руно аргонатов.

В самой Греции она погубила также Ясонова дядю Пелия, захватившего было царский престол в Иолке, что в самом центре фессалийской земли, принадлежавший по всем законам ее жениху, затем и мужу – Ясону.

У нее не дрогнула рука, когда она, в отместку за супружескую измену, зарезала собственных детей, рожденных в браке с Ясоном, а заодно свела со света и его будущую молодую жену – дочь соседствующего с Атикой царя Главка.

Последнее преступление Медея совершила уже в Коринфе, недалеко от Афин. Когда же ей пришлось бежать из Коринфа, то огненная колесница, запряженная то ли крылатыми конями, то ли такими же, явно неукротимыми змеями, принесла ее в Афины.

В Афинах колесница зависла как раз над Акрополем, затем опустилась на его каменистой вершине.

Медея сумела войти в полное доверие к царю Эгею, запомнившемуся ей лишь по незначительному разговору с ним. Она стала его супругой, и, к вящему несчастью престарелого царя, всю жизнь мечтавшего о наследниках, – родила ему сына Меда! Именно эти имена – Медея и Мед – не сходили с уст почти всех, весьма говорливых без меры афинян.

После этого, все свои помыслы и действия колхидская волшебница направляла на то, чтобы подрастающий Мед получил все права на вождельный им афинский престол.

Собственно говоря, указанные права у Меда, вроде бы, уже имелись, однако реализовать их было весьма затруднительно. Этому могли помешать вездесущие Паллантиды. Они могли

погубить малыша или даже лишить его жизни – каким-нибудь тайным и очень коварным способом.

Что говорить, всю свою энергию и все чародейские способности после этого Медея направляла теперь единственно против Палантидов, став таким образом – полным союзником царя Эгея.

Конечно, появление в Афинах юного Тесея, уже прославившегося столькими своими подвигами, – грозило новыми неприятностями для любого наследника царского трона. Это касалось всех их, идет ли речь о подрастающем Меде или о самом Паланте, а то и даже о его сыновьях – Палантидах.

Медея, разумеется, незамедлительно приняла новые, более существенные и конкретные контрмеры.

Она принялась заново обрабатывать царя Эгея.

Лучше всего, твердила волшебница своему старику днем и ночью, пригласить этого молодца во дворец, устроить в его честь великолепный пир, а после пира дожидаться, когда он умрет ниспосланной ему богами своей, самой ужасной смертью. Это настолько естественно, и это избавит царя от всяческих лишних забот...

При этом она как-то, воистину как заговорщик, подмигивала своему изрядно старому мужу.

Эгей кивал поседевшей головою, доверчиво глядя в очаровательные глаза своей вечно молодой супруги. Он, вроде бы, напроць успел уже позабыть о собственных приключениях в недалеком от Афин приморском Трезене, а уж тем более – о своем шапочном знакомстве с колхидской волшебницей Медеей в Коринфе⁹. Даже о своих разговорах с совершенно юной Этрой, – на том же солнечном берегу в Трезене. Забывал также об оставленном под слишком громоздким камнем своем собственном мече и о своих, уже повидавших виды сандалиях...

А Медея, то ли каким-то чародейским образом узнав, кем же на самом деле является прибывший в город юноша и каковы его настоящие цели, а то ли просто догадываясь, чем грозит ей лично его неожиданный приход, волшебница напирала на старика еще пуще прежнего.

Однако планы ее обрели уже совершенно другое направление.

– Послушай, – сказала она царю, – коли ты такой смелый, то поручи ему какое-нибудь трудное задание. Есть ли у тебя что-нибудь на примете относительно этого?

– Да как же не быть? – отвечал ей Эгей. – Взять хотя бы того быка, который выпасается теперь в Марафонских полях. Да только справиться ли такому легконогому юноше с таким грозным чудовищем? Сам Геракл не всегда с ним справлялся.

– Это ничего, – засмеялась в ответ Медея. – Справится – хорошо, а если не справится – тоже плакать не станем.

Одним словом, Тесею был передан строгий царский приказ: немедленно отправиться в Марафон, небольшой городок на противоположной стороне Аттики, как мы уже знаем, где он еще никогда не бывал, и там в полях, засеянных сплошь буйным укропом, отыскать могучего быка и укротить его как можно скорее.

Этого быка, надо сказать, по приказу микенского царя Эврисфея когда-то, действительно, доставил к царскому двору знаменитый силач Геракл. Он привез животное с острова Крита, но перепуганный насмерть царь Эврисфей велел отпустить чудовище на все четыре стороны.

⁹ Сам Коринф славился своими прочными связями с древним Востоком. В исторические времена он привлекал к себе массу туристов, главным образом, – своими Истмийскими играми, а еще – разнузданными оргиями со стороны жриц богини Афродиты, все более приобретающей себе новое имя римское имя – Венера.

Теперь же царская чета с нетерпением ждала гонца из самого Марафона, надеясь на утешительные для себя вести.

И эти вести – действительно, не заставили себя долго ждать.

Расстояние от Афин до Марафона сейчас известно каждому человеку, поскольку оно в точности равняется нынешней олимпийской дистанции по бегу – ровно сорок два километра и сто девяносто пять метров.

Когда-то его, на едином порыве, преодолел быстроногий бегун Фидиппид, посланный победителями греками с вестью, сообщить своему городу о полнейшем разгроме персидских захватчиков.

Тесей преодолел дорогу в оба конца в самые короткие сроки, в придачу – поймав за это время свирепое животное. Марафонского быка он привел в Афины, протащил его, всемерно упиравшегося о землю, по всему столичному городу, на виду у всех ликующих афинян и принес его в жертву богу Аполлону.

После жертвоприношения пировали все жители Аттики. И все они, в один голос, утверждали, что мясо этого чудовища куда более вкусное, нежели мясо обыкновенных животных.

Не успел Тесей оказаться на Акрополе, с трудом поспевая за обгонявшей его молвою, как слухи уже повергли Медею в новое замешательство.

– Послушай! – решительно приступила она к старому мужу. – Иного выхода нету... Теперь его будут носить на руках... Теперь его непременно изберут афинским царем! А тебя, старика, прогонят...

Эгей, соглашаясь с доводами своей супруги, тоже преисполнился дерзкой смелости.

– Мало мне одного Палланта, – сказал он в сердцах. – Мало мне бешеных его сыновей! Так еще и эта напасть.

Однако стоило Эгею увидеть рослого молодца с мощным торсом, как бы выкованным из золотистого металла, с тяжелой дубиной в мощных руках, которую нес он почти что играючи, – и что-то иное шевельнулось в царском сердце. Именно таким рисовала этого юного пришельца народная молва.

Так кто же он в самом деле?

Царь вопросительно глядел на супругу, которая уже добавила в кубок смертельного яда, предназначенного как раз для этого гостя.

Но Медея улыбалась навстречу гостю так широко и обворожительно, такое восхищение и такая любовь плескались в ее лучезарных глазах, что старик отгонял от себя совсем непохвальное чувство, охватившее его всего, чувство какой-то непонятной, неясной ему самому, почти смертельной тревоги.

Он сразу же заподозрил: ничего зазорного не содержится в том, что его красавица-супруга никогда ничего не дурного не говорила и ничего такого даже не замышляла...

Тесей же с надеждой глядел на сидевшего на возвышенном, самом видном месте царя в венке на седых кудрях, в белоснежном одеянии, складками уходившем глубоко куда-то под стол.

Сын с нетерпением дожидался того счастливого для себя момента, когда же отец, наконец, признает его.

А у отца теперь появилась возможность основательно рассмотреть своего гостя. В Трезене, от своей матери Этры, он постоянно слышал о своем разительном сходстве с отцом.

Царю сейчас припомнится многое, давно уже позабытое...

Однако надежды героя по-прежнему никак оправдывались, даже несколько. Царь уже готовился было протянуть гостю кубок в виде головы быка (с явным намеком на его последнюю победу), но в это же мгновение голоногие невольники стали разносить исходящее паром мясо, и Тесей, взяв протянутый ему увесистый кусок, перебросил из руки его в руку, опустил на

кисть руки миску и потянулся за своим мечом, чтобы разрезать мясо на мелкие кусочки, такие удобные для более быстрого их глотания.

Конечно, каждое движение пришедшего незнакомца не ускользало от внимания пирующих, но в особенности – от внимания самого царя.

Увидев меч тестя, Эгей даже выронил из рук чашу, предназначенную для гостя.

– Ай! – раздался царский голос. – Это... Это же...

Царь узнал свой меч, некогда спрятанный им под огромным камнем в далеком приморском Трезене.

Предания говорят, будто Эгей прозрел, стряхнув с себя все свое наваждение от присутствия своей супруги Медеи. Его меч, его сандалии, его сын, наконец, – все это было теперь у него перед его глазами.

Говорили впоследствии, будто бы в этот же день волшебница Медея была удалена из дворца, а царь Эгей, глядя на сына, снова почувствовал себя молодым и здоровым, могущественным человеком, для которого ничего не значат все угрозы ничтожных Паллантидов.

Стареющий Эгей представил сына народу и сразу же объявил его своим наследником, хорошо предвидя, как отнесутся к этому известию нисколько не унывающий Паллант и все его сыновья.

А Паллантиды поняли одно: им теперь нечего терять в государстве, вновь обретшем былую силу. Они тотчас же удалились из города, прихватив с собою рабов и своих сторонников среди свободных людей. Они стали готовить отряды в отдаленных от города собственных владениях, чтобы во главе всего войска снова двинуться на Афины, чтобы силою прогнать Эгея и его неожиданно объявившегося сына, о котором до сих пор никто ничего не знал и даже ничего не слышал.

С вершин Акрополя, от подножия храма Афины-воительницы, Эгей указывал сыну на клубящуюся вдаль желтую пыль, которая как-то слишком медленно оседала на макушки курчавых олив. Пропадая в одних местах, она тут же, мгновенно, появлялась в других.

Там, вдаль, скорее всего, просто угадывались, нежели замечались, отряды грозных Паллантидов. Там готовились колесницы, в ту пору такие малочисленные на эллинских землях, такие недоступные жителям Аттики, потому что мало кто был тогда в состоянии обзавестись хотя бы одним конем, а для колесницы их требовалась целая четверка... Эти чудные животные весьма, даже особенно, ценились людьми военными: кони не боялись ни копий, ни мечей, ни самых разнообразных трубных звуков.

Все упомянутое перед ним вдруг наполнялось каким-то гордым, каким-то воистину воинственным духом.

Эгей знал, что творится в стане врагов, потому что с появлением Тесея многие, прежние сторонники Палланта и его сыновей вдруг остро почувствовали, как переменялись вдруг обстоятельства, как многократно возросли силы Эгея. Эти-то люди и начали сообщать царю, что происходит в рядах его противников.

– Мало у меня колесниц, – сетовал старый Эгей. – Некого даже выставить, если придется, а придется – наверняка...

Юный Тесей ничего не боялся, озирая все дали, простиравшиеся перед акрополем, несколько внизу от него.

– Отец! Управимся и без колесниц! – был уверен Тесей. – Кого меч не достанет, тот не увернется от нашей хлесткой дубины!

Эгей успокаивался, но, какое-то время спустя, старицкие тревоги усиливались заново.

– Вот там, – указывал он рукою в сторону Гиметтских гор, – в деме Гаррета, устроена засада. Это знаю я точно, чтобы ударить нам в спину, как только вступим в сражение с их главными силами, которые, из дема Сфетта, ведет нам навстречу уже сам Паллант. Так доносят мне верные люди...

– Ничего у них не получится, – не падал духом юный герой. – Одолеем их всех поодиночке.

И правда. Неожиданным ударом Тесею удалось рассеять сосредоточенных в засаде неприятелей. Его знаменитая трофейная дубина крошила кости всех нерасторопных, ломала им черепа. Она оказалась сейчас – самым подходящим, самым нужным оружием в этот момент.

Основные силы врагов, прослышав про это грандиозное побоище, устроенное Эгеем, разбежались сами. Паллантиды, спасаясь на колесницах, увлекали за собою и своих пеших клевретов.

Аттическая земля, наконец, оказалась полностью очищенной от заговорщиков и от крепко связанной с ними самой разнообразной нечистью.

Однако желанный явно покой старый царь обрел совсем ненадолго.

Не успел он прийти в себя, не успел, как следует, уже с помощью сына наладить государственные дела, – как произошло еще одно событие, которое повергло Афины в самое мрачное состояние.

Началось все с того, что молодой царевич, выйдя однажды из царского дворца, провел восхищенным взглядом по бесконечному синему пространству моря и даже присвистнул от удивления: по морской синеве приближалось к берегу множество ярких парусов, наполненных дерзким попутным ветром.

Обрадованный Тесей хотел даже кликнуть отца, полагая, что это заморские гости прибыли на его царский зов. Однако вышедший на сыновний крик старик лишь болезненно простонал:

– О, Зевс! Боги!.. Боги!.. Миновало целых девять лет... Мы и позабыли об этом. Это он, это царь Минос, критский владыка. Снова он.

Не отрывая взгляда от растущего количества все новых и новых разноцветных ветрил, отец поведал сыну о страшном давнем событии. Марафонского быка когда-то пытался укротить участвовавший в Панафинейских играх сын критского царя Миноса, по имени Андрогей.

– То был храбрый и очень сильный юноша, Тесей. Ничего не скажешь, – припоминал старик. – Однако ему не удалось справиться с могучим животным. Критский царевич погиб. Погиб с ним в схватке.

Едва только весть о гибели критского удалыца добралась до берегов Крита, до его родины, – как сам царь Минос явился в Афины во главе своего огромного флота.

Виновником всего, случившегося с его сыном, критский владыка объявил тогдашнего афинского царя, подозревая последнего во всевозможных кознях.

Критяне осадили город божественной Афины, и гордый Минос, выдержав определенный срок, объявил, наконец, свою милость: он-де снимет осаду, если афиняне согласятся в течение каждых девяти лет присылать ему в виде дани плату живыми людьми! Все они, вся эта молодежь, послужат кормом его другому сыну Минотавру, рожденного ему Пасифаей, дочерью самого Гелиоса, бога солнца.

Теперь Минотавр является хозяином Лабиринта, специально выстроенного для него прибывшим на Крит мастером Дедалом, тоже бывшим афинянином. Он даже приходится внуком тамошнему и тогдашнему афинскому царю Эреклею.

Что же, Афины вынуждены были смириться...

– Минос приплыл уже в третий раз, – добавил горестный Эгей. – А в том Лабиринте, который выстроил для Минотавра мастер Дедал, рассказывают, содержится целая тысяча помещений. Человеку же в нем не сыскать для себя выхода, если он и одолеет это чудовище. Само же оно представляет собою нечто, вроде бы и настоящего человека, но только с бычьей головой...

Царь понимал, до чего предстоит ему слишком трудная задача: убедить родителей отдать на смерть ребенка, пусть и ради спасения своего государства.

– А если мы не пошлем, – заметил снова Эгей, – то Минос прикажет флоту стереть Афины, наш город, с лица земли. И тогда мы все погибнем. Погибнем, как.

На следующий день Тесей получил возможность удостовериться в правдивости всего того, что им было услышано от отца.

Критский царь не торопил афинян, не настаивал на строго определенных сроках. Выставив свои корабли на виду у всей Аттики, он наслаждался человеческими страданиями. Он как бы вознаграждал себя за то, что довелось пережить ему самому.

Скрепя сердце, наблюдал Тесей за спорами на городской площади, где в народном собрании решались мучительные вопросы, чьим же детям надо отправляться назавтра в пасть нена сытному критскому чудовищу?

Вечером Тесей заявил отцу:

– Завтра я сам уплываю на Крит. Я так просто не дамся тамошнему чудовищу, этому сказочному Минотавру...

Эгей не знал поначалу, что ему надо отвечать на это. Он даже лишился дара речи и не спал на протяжении всей ночи. Конечно, старик понимал, что сыновье решение избавит его, царя и отца, от упреков всех своих подданных, быть может, уже до конца всего его царствования, хотя настоящих упреков пока что никто и не выражал.

Но... вновь потерять наследника престола и снова оказаться один на один с врагами, которые набросятся на него с новой, невероятной силой!

Под утро Эгей все-таки попробовал отговорить сына от его опаснейшего предприятия.

– Ты – наследник престола... Это будет прегрешением перед всеми богами, если с тобою что-нибудь случится, – начинал дрожать отцовский голос. – Подумай только о судьбе всего государства, которым тебе предстоит управлять... Я уже не говорю о себе, твоём отце...

Однако старик высказывался просто впустую.

– Я же сказал, отец, – отвечал Тесей с возрастающей в нем уверенностью, – что не дам съесть себя Минотавру.

Старому Эгею оставалось лишь тешить себя пустой надеждой.

Он вызывал в своей памяти рассказы о всех предыдущих подвигах сына Тесея, – и сердце его тоже наполнялось подобием некоей уверенности.

Чтобы поскорее, хотя бы на мгновение раньше, избавиться от длительной неизвестности, – старый царь стал цепляться за малейшие возможности.

– Я велел отнести тебе на судно белые паруса, – сказал он сыну. – Если ты, с помощью богов, все-таки справишься с Минотавром, если тебе посчастливится возвратиться назад, – то пускай мои глаза загорятся радостью прежде того, чем твой корабль достигнет наших берегов. В случае твоей победы и счастливого возвращения – ты заблаговременно сменишь черные паруса на белые...

– Будь спокоен, отец! – улыбался все так же Тесей. – Я принес небесным богам обильные жертвы. Особенно почтил я богиню любви Афродиту. Говорят, она помогает молодым людям, оказавшимся вдруг на вечно волнуемой поверхности безбрежной морской стихии.

Страшным, долго не смолкающим плачем, стенаниями женщин и скупыми слезами отцов проводили афиняне украшенный цветами скорбный афинский корабль.

Это было похоже на похороны. И все же на этот раз в обреченных афинских семьях появились какие-то слабые надежды. Люди связывали их с кудрявым, могучим и гордым молодым Тесеем.

Оказавшись на Крите, Тесей сразу же понял, что обильные жертвы, принесенные лично богине Афродите, приняты ею весьма благосклонно.

Чтобы убедиться в этом – Тесею было достаточно заметить на пиру красивую девушку из ближайшего царского окружения. Он поймал на себе ее восхищенный и гордый взгляд.

То была царская дочь Ариадна, которая приходилась внучкой для бога солнца, Гелиоса, беспрестанно бороздившего небо на огненной колеснице, запряженной четверкою самых буйных коней. Все поведение Ариадны свидетельствовало, что богиня Афродита уже внушила ей нежные чувства к приезжему гостю.

Пир для обреченной на съедение афинской молодежи, как обычно, устроил сам царь Минос. Он же и предоставил афинским юношам возможность поучаствовать в атлетических состязаниях, учрежденных в честь его погибшего сына, царевича Андрогейя.

Очевидно, пир и эти состязания тоже тешили его царское самолюбие. Дескать, вот вы, какие ни есть молодые и крепкие, все, как на подбор, красавцы и красавицы, как ни хочется вам верить в собственную долгую жизнь, – а все же и вам придется погибнуть в самом ближайшем времени, как погиб и мой сын Андрогей...

К концу состязаний Ариадна смотрела на красивого приезжего юношу уже безмерно влюбленными глазами.

Во всяком случае – именно так показалось нашему герою.

И Тесей нисколько не обманывался.

Когда за ним и за его спутниками и спутницами, семеркой великолепных афинских юношей и такой же семеркой самых красивых девушек, закрылись тяжеленные ворота необозримого Лабиринта, – то в руках у Тесея оказался упругий клубок из ниток, врученных ему влюбленной в него царевной Ариадной.

– Закрепи конец нитки у входа в Лабиринт и продвигайся вперед, разматывая этот клубок. По этой нитке отыщешь обратный путь, – услышал он нежный голос, донесшийся до его ушей голос, исходящий неизвестно откуда...

Молодые люди долго блуждали в ходах-переходах, лишь кое-где освещенных бликами полумертвых светильников. Иногда их глаза натывались на горы обглоданных прежде костей, иногда они различали на стенах брызги давней, уже крепко засохшейся крови. Всем им казалось, что кто-то, невидимый им, постоянно пугает их.

И вдруг их уши поразил неудержимо мощный рев.

Ощущение было такое, словно бы они наткнулись на разъяренное стадо быков, которое окружало их со всех сторон. Рев наваливался на них откуда-то с темного потолка. Он толкал их в спину, вылезал из невидимых щелей и клубился на каменном полу, мешая переставлять отяжелевшие ноги, и без того уже скованные неодолимым страхом и ужасом.

Тесей держался впереди их всех. Он надеялся на свой меч. Оглушенные ревом, ослепленные разящей темнотою, измученные явным ожиданием собственной смерти, спутники Тесея теряли последние силы. Они желали уподобиться каким-то бестелесным теням, хотели передвигаться без единого звука, безмолвно, неслышно для самих себя, – но и этого у многих из них не получалось никак.

Одежды их задевали невидимые в темноте выступы в каменных стенах, подошвы сандалий натывались на торчащие из пола острые камни или же проваливались в неведомые и незаметные для них ямы. Девушки раз за разом всхлипывали, сдавленными голосами шептали что-то, умоляли лучше затаиться во тьме, замереть и дожидаться всевышней воли богов.

Однако Тесей оставался неумолимым.

Какая-то сила увлекала его вперед и вперед. Какой-то всемогущий голос напоминал о прежних, преодоленных уже опасностях и преградах. Этот голос властно требовал продвигаться все дальше, вперед и только вперед.

И вот, за очередным поворотом дороги, брызнуло им в глаза необыкновенно ярким светом. Там открывалось круглое помещение, наполненное густым, непроницаемым светом, напоминавшим собою густое, неразбавленное вино, которое отливало плотным и красным сиянием...

Посреди помещения возвышалось само чудовище.

На бычьей голове его дыбилась красная шерсть. Чудовище водило маленькими красными глазками и выставляло перед собою рога, похожие на безобразно укороченные копыя. Без малейшего промедления оно устремилось на Тесея, как бы учуяв исходящую от него угрозу.

Вот тут-то и пригодились Тесею совершенные им прежде подвиги, пригодились прежние умение, помноженное на природную силу и несокрушимую отвагу.

Одной рукою герою удалось схватить чудовище за смертельно опасный рог, нацеленный ему прямо в грудь, а другой рукой он тут же выдернул из ножен свой меч и молниеносно воткнул его в покрытый шерстью крутой и выпуклый бок чудовища.

Чудовище издало предсмертный, последний рев, захрипело, и рог в руке у Тесея – уподобился вдруг поднятой на лесной дороге, ни на что уже непригодной, сильно усохшей ветке...

– Победа!

Победа получилась настолько неожиданной, что в нее никак невозможно было поверить. Какое-то время Тесею пришлось вопить и трясти своих спутников за одежды, чтобы привести их каким-то образом хотя бы в сознание, чтобы вбить им в головы само понимание: они находятся уже на явной дороге своему спасению. Ведь это чудовище испускает последнее, мучительное дыхание!

А что касается выхода из страшно запутанного Лабиринта, – его укажет им спасительная нить Ариадны. Подаренный ею клубок Тесей привязал к поясу своей собственной одежды и почти уже позабыл о нем.

Молодые спутники Тесея, наконец-то, пришли в себя. Поверив в состоявшееся спасение, они ринулись в сумасшедший танец. Походя, пинали поверженное в прах чудище ногами, разбрызгивая по стенам его густую кровь, которая успела уже образовать там густую, настоящую лужу.

– Друзья! – Тесей с трудом пересиливал восторженные их крики. – Нам следует поторопиться, пока о нас не вспомнил всеведущий царь Минос!

Конечно, Минос даже не подозревал, что его жертвам удастся так быстро избежать предназначенной им участи. Ему никогда не приходило в голову, что кто-нибудь из простых, из смертных людей способен хотя бы выбраться из слишком запутанного Лабиринта, изо всех его помещений.

Однако первое произошло благодаря мужеству и удали царевича Тесея, а второе – из-за вспыхнувшей к нему в груди чувству царственной красавицы Ариадны. Подаренная ею нить, действительно, вывела Тесея и его спутников к воротам, где уже их поджидала счастливая Ариадна.

Взяв девушку за руку, победитель еще раз напомнил путникам о необходимости, как можно скорее бежать к уже поджидавшему их кораблю.

Тесей был крепко уверен, что везет свою будущую супругу, которая станет ему надежной подругой на всю последующую жизнь.

Да только получилось все несколько иначе.

На острове Наксосе, где беглецы задержались лишь на какое-то время, к счастливому Тесею во сне явился бог виноделия, вечно пьяный и веселый Дионис, который и объявил ему, что критская царевна Ариадна давно уже предназначена в жены ему, Дионису, и что ей суждено отныне жить на высоком, заоблачном Олимпе.

Не подчиниться богу – Тесей не мог.

Проснувшись поутру, он погоревал по поводу всего, услышанного им во сне, а затем оставил спящую красавицу, чтобы продолжить свой путь в направлении города богини Афины.

Спутники его ликовали по-прежнему, и чем ближе подплывал их корабль к родной афинской земле, тем сильнее становилось их веселье. Избежав неотвратимой смерти, люди предчувствовали радость своих родных в недалеких уже от них Афинах.

Однако самого Тесея томили самые противоречивые мысли.

Конечно, он разделял ликование своих спутников, однако никак не мог отделаться от чувства тяжелой утраты: у него ведь его отняли будущую невесту!

Удрученный, Тесей позабыл об обещании своему отцу переменить на судне паруса. И все это все привело к новой, очередной беде.

Престарелый царь Эгей, между тем, терпеливо дожидался вестей с острова Крита. Ожидание вконец измучило старика, а все же его не оставляло видение скал, которые обрамляли крутой берег приморского Пирея. И вот ему показалось – да что там показалось! – он четко увидел верхушки знакомой до боли корабельной мачты.

Ошибки быть не могло.

Эта мачта была поставлена на афинском судне, на котором уплывали обреченные на гибель юноши и девушки во главе с его сыном Тесеем. И вот оно возвращается уже назад... Что оно везет? Радостную или скорбную весть?

Через какое-то мгновение из-за надводной дымки выделилась широкая полоска. Старик замер в изнеможении.

Край паруса почудился ему иссиня черным, но такое могло только пригрезиться по причине нестерпимого блеска воды. У старика не хватило сил поверить во что-то подобное, во что-то слишком плохое.

Это могло быть лишь обманом зрения...

Царь переждал еще какое-то мгновение, еще...

Паруса судна выскальзывали из-за обреза водной стихии, как выскальзывают из-за бугра чересчур медлительные повозки. Но... все паруса на них были, без сомнения, иссиня черного цвета...

Не взвидев солнечного сияния, совершенно негнушимися под ним ногами, старик сделал неосознанный шаг вперед и куда-то, вроде бы, полетел...

Усилием воли попытался направить свое движение вверх и в сторону показавшегося всего судна, но не сумел. Он даже не почувствовал прикосновения твердых каменных выступов, впивавшихся ему в безразличные к боли бока, не услышал даже всплеска какой-то, крайне удивленной воды.

Похоронив отца, устроив достойные правителю ему погребения, сам Тесей сделался полноправным правителем в аттическом государстве.

На свою деятельность он смотрел уже совершенно иным, озабоченным взглядом, доподлинно понимая, что доставшееся ему государство требует значительных преобразований, что оно, в конце концов, состоит из множества самостоятельных частей, управляемых собственными, автономными советами.

Отдельные государственные образования обладали различного рода правами, которыми они пользовались с древнейших времен и никак не желали когда-нибудь расставаться с ними.

К примеру, город Элевсин чеканил собственную монету, что было во все времена показателем высочайшей государственной самостоятельности. В этих, совершенно отдельных частях государства, сохранялось много местных обычаев, неприемлемых для его соседей.

Далее... В них самих накопилось огромное множество пограничных споров, распрей, прямые голоса которых перешли в уже исторические времена и потому более или менее известны даже нам.

Первым делом Тесей принялся разрушать все перегородки между отдельными частями афинского государства, чтобы как можно надежнее их сплотить, чтобы жители этих, все-таки сильно разрозненных земель и даже отдельных частей государства, – почувствовали себя равноправными вдруг.

По словам Фукидида, знатока всех греческих древностей, вместо отдельных советов по всей Аттике, – Тесей установил так называемый общий булевтерий (совет) в Афинах и один так называемый пританей (всеобщее государственное учреждение), – тоже в Афинах.

Как заявляет в своей «Истории афинской демократии» Владислав Петрович Бузескул, все начала греческого свободомыслия и демократии непременно нам следует связывать с именем самого Тесея!

В конце концов, ему все-таки удалось упразднить местные земельные советы, и этот верховный совет в Афинах решал теперь самые неотложные государственные дела, будучи, к тому же, единственным верховным органом.

В Аттике, как не раз уже говорилось, обитало довольно однородное население, хотя бы в этническом отношении. Правда, это население было со слишком заметными вкраплениями каких-то пришельцев, беглецов, изгнанников из соседних государств, – однако тоже состояло из чисто этнических эллинов.

А вот по имущественному своему положению – жители Аттики даже слишком рознились между собою. Чтобы навести какой-либо порядок и в этом плане, Тесей постарался разделить своих подданных на что-то, вроде классов, в строгом соответствии с их состоянием, можно сказать, – с их подлинным имущественным цензом.

Тесей всячески стремился к такому государственному устройству, где разбогатевшие богачи или же просто имущие граждане имели бы возможность не смешиваться с толпой, но принимать в управлении государством самое деятельное участие – в соответствии со своими гораздо большими имущественными возможностями.

Таких классов во времена Тесея насчитывалось три: евпатриды, геоморы и демиурги.

Евпатриды, или благородные, – были людьми в высшей степени зажиточными. Они владели куда более значительной частью аттических земель. В их руках была сосредоточена слишком большая власть. Они и жили вне городских стен. По крайней мере там, где располагались их земли, и, следовательно, они сами размещались в центре своих собственных земельных владений. В качестве названий многие селения в Аттике, пусть и со временем, а все же обрели имена своих постоянных землевладельцев.

После объединения разрозненных частей государства, так называемого синойкизма, осуществленного Тесеем, евпатридам была предоставлена возможность ведать религиозными делами, занимать государственные должности, толковать и применять на практике довольно разные человеческие и божественные законы.

Геоморы (или георги) были земледельцами среднего или даже более мелкого масштаба. Они не принимали какого-либо активного участия в управлении страной, но считались весьма полезными в государстве людьми, на которых оно, в значительной степени, и должно было держаться.

Самыми многочисленными в аттическом государстве, как полагал впоследствии писатель Плутарх (II век уже новой эры) – были демиурги: разного рода ремесленники и торговцы.

Кроме указанного сословного деления Тесей закрепил в своем государстве еще и родовое деление всех своих подданных. Каждый свободный афинянин относился к определенной филе (общине, племени), которых насчитывалось всего четыре.

Эти филы распадалась на фратрии (колена) – по четыре в каждой филе, и на роды – по тридцать родов в каждой фратрии. Члены каждого такого рода считались происходящими от их общего предка. Все они имели общие святилища, у них были свои, отдельные, особые культы, свои собственные жрецы, и свои, даже чисто отдельные, кладбища.

Члены одного и того же рода горой стояли друг за друга как в силу древних законов, так и в силу присущей людям взаимной привязанности, обусловленной пониманием общности своего происхождения.

Одним словом, полагают ученые, своими решительными действиями Тесею в очень короткий срок удалось создать в Аттике единое государство и единый эллинский народ.

Среди всех эллинов он прослыл справедливым и самым неподкупным человеком, к которому они обращались при разрешении своих, наиболее крупных дел.

Тесей всеми силами помогал всеобщему любимцу греков, могучему герою Гераклу, вечно гонимому богиней Герой, супругой великого бога Зевса.

Тесей дал пристанище несчастному фиванскому царю Эдипу, пострадавшему от неумолимого рока, – о чем мы поговорим подробно в своем, предназначенном для этого месте.

Тесей поспособствовал также захоронению эллинских вождей, штурмовавших неприступные каменные Фивы и погибших в этом междоусобном сражении.

Как видим, в глазах сограждан, да и всех эллинов, – Тесей прослыл весьма справедливым правителем.

Однако занимался он не только государственными делами. Устройство государства, управление им, – ничто не могло отвлечь Тесея от ратных, геройских дальнейших подвигов.

Тесей участвовал в походе против воинственных девушек-амазонок, который организовал Геракл, все еще находившийся в подчинении у микенского царя Эврисфея.

Самому Гераклу велено было добыть волшебный пояс, который носила на себе царица амазонок Ипполита, который ей подарил какой-то всегда беспокойный бог войны Арес.

Эллинские герои прибыли, в конце концов, к столице амазонок, к мифическому городу Фемискире, и там Тесею, в награду за его геройские действия, выпала пленница. Ею стала сама царица амазонок – Ипполита. Привезя пленницу к себе в Афины – Тесей как-то сразу женился на ней.

Бывшая предводительница воинственных девушек горячо полюбила своего супруга, родила ему сына Ипполита.

Правда, какое-то время спустя, как говорят предания, амазонкам удалось освободить свою плененную эллинами царицу. Явившись на аттическую землю вторично, амазонки заполнили ее равнины грохотом конских копыт и пением звонких, удивительно метких, собственных стрел.

Осадив Афины, они овладели почти всем городом, так что мужественные его защитники вынуждены были укрываться на вершинах неприступного Акрополя, уже обведенного к этой поре мощными крепостными стенами, куда степные воительницы никак не в силах были даже проникнуть.

О дальнейших событиях, развернувшихся под стенами акрополя, существует много, самых разных, даже в корне противоречивых рассказов. Однако большинство их сводится к тому, что именно Тесею удалось спасти город от губительного разгрома.

Во время отражения приступа, правда, погибла его супруга-амазонка, ставшая ему, Тесею, верной боевой соратницей.

Впрочем, иные предания утверждают, будто бы его Ипполита умерла уже после осады города, годы спустя. И будто бы ее воспоминания об оставленных вольных подругах, о прежней, беззаботной жизни, о степных просторах, где можно целый день проскакать верхом на коне, подставляя лицо ласковому, освежающему ветру, – сильно будоражили внимание ее сына, юного Ипполита.

Ничего этого не было на высоком Акрополе, окруженном оборонительными стенами, и накрытым синим, бездонным небом. По небу проплывали лишь белые, веселые тучки... Впрочем, они тоже напоминали о веселом, степном раздолье...

Умирая, Ипполита сильно тревожилась судьбою своего единственного сына, юноши удивительной красоты, уже объявленного, к тому времени, наследником афинского престола...

Участвовал Тесей и в прочих геройских сражениях.

Скажем, он был среди охотников на калидонского вепря, что в южной Этолии, почти в самом центре Эллады. Этот вепрь опустошал тамошние плодоносные поля, вырывая деревья с почвы вместе с корнями. Умерщвлял людей, попавшихся ему на пути.

Сражался Тесей и с дикими кентаврами, полулюдьми, полуконями, которые также ему запомнились своими бесчинствами на свадьбе царя лапифов – незабвенного Пирифоя...

Пожалуй, о самом царе лапифов, а также о замечательном эллинском герое, следует поговорить более подробно, поскольку именно он сыграл невероятно важную роль в жизни и в самой судьбе царя Тесея.

Лапифы – это древний, мифический еще народ, обитавший в горных лесах центральной Фессалии, близ гор под названием Осса и Пелион. Своим прародителем лапифы считали одноименного царя, сына серебрукуго бога Аполлона. Управлявший ими царь Пирифой (буквально Сверкающий), тоже был замечательным стрелком, могучим воином...

В свое время царю Пирифою довелось довольно много наслушаться об аттическом царе Тесее, о победах последнего над самыми видными разбойниками, над критским чудовищем Минотавром, и над прочими героями, не менее знаменитого выдающимися своими победами.

Рассказывают, что Пирифою захотелось то ли помериться силами с таким загадочным своим соседом, то ли изучить его как-то гораздо поближе. Короче – войти с ним в более близкие, даже дружеские, отношения.

Что же, для начала Пирифой захватил одно из стад, бродивших на зеленой равнине близ селения Марафон, примерно в тех же местах, где впоследствии афинянам суждено было встретиться завоевателей-персов и добиться над ними решительной победы.

Хозяином этих стад, был четко осведомлен Пирифой, являлся как раз аттический царь-герой Тесей.

Захватив животных, Пирифой нисколько не торопился удаляться с ними в свои пределы. Он шагал, лишь как-то постоянно оглядываясь назад и посматривая при этом на свою колесницу. Его возничий с трудом удерживал запряженных в нее самых сытых и крепких, самых буйных коней.

Пирифой не просчитался.

Как только Тесею стало известно о дерзком поступке наглого злодея, он тотчас же повелел подавать ему боевые доспехи. Очевидно, погоню афинский царь осуществлял на колеснице, так как передвигаться в доспехах, а тем более преследовать кого-то непосредственно в них, оказалось делом совсем нелегким даже для такого отъявленного героя. Кони не подвели, и царь-герой вскоре настиг злоумышленника, правда, уже вне своих пределов, однако совсем недалеко от них.

Тесей велел своему возничему заехать наперед угоняемому Пирифоем стаду, спрыгнул наземь, в поднятую дорожную пыль и копыт.

Пропустив ничего не значивших пастухов, у которых, в предчувствии предстоящего сражения уже задрожали губы и щеки, но которые так и не посмели ничего возразить своему господину, – сам Тесей уже изготовился к предстоящему, неизбежному бою.

И вот он настал, этот миг, такой желанный для Пирифоя.

Оба героя предстали друг перед другом, как-то совсем неожиданно, поскольку облако пыли, разделявшее их, улетучилось в самый последний момент, как только они оказались на расстоянии броска копья.

И тут произошло нечто, совсем неожиданное.

Герои так и застыли на месте, позабыв о своих копьях, уже занесенных, было, для меткого боевого броска. Сквозь прорези в шлемах каждый узрел перед собою непобедимого дотоле героя, и каждому показалось, будто он видит перед собою себя самого...

Они враз отшвырнули оружие, сняли с голов своих шлемы и протянули друг другу руки.

– Мир!

– Мир!

От этого дня и началась их неразрывная дружба, которая не прекращалась вплоть до последней их встречи.

А вскоре обоим героям выпала возможность проверить силу дружбы на деле, и эта возможность, как ни странно, впервые открылась на свадьбе Пирифоя с юной красавицей Гипподамией.

На свадебном торжестве сошлись два враждебных исстари племени: воинственные, гордые и храбрые лапифы и дерзкие, необузданные кентавры, жившие с ними бок-о-бок и причинившие своим соседям немало вреда то вытаптыванием их полей, то разрушением их строений, а то и нещадным угоном скота.

На свадьбе у Пирифоя кентавры наполнили царский дворец своим конским ржанием, топотом громадных и твердых, как камень, своих копыт, свистящими ударами о стены его жилища добротных и жестких конских хвостов.

На свадьбу Пирифой пригласил также самых выдающихся героев тогдашней Эллады, почему и пребывал в надежде, что с помощью своих приятелей, а в первую очередь своего друга Тесея, ему удастся усмирить кентавров, если те поведут себя непотребным образом, как это уже случалось с ними сплошь и рядом.

В конце концов, Пирифой рассудил очень верно.

Поначалу свадьба пошла, как и полагается ей. Кентавры пили и ели, веселились вместе с прочими свадебными гостями, особым образом не отличаясь от них, разве что вместимость их лошадиных желудков во много раз превосходила возможности простых человеческих, даже геройских. Значительно усилился топот их копыт, повторяемый неустанным эхом в окрестных горах, однако это никого и нисколько не беспокоило и даже никого не смущало.

Гости плясали на широком лугу перед царскими палатами. Там же, в тени ветвистых деревьев, были расставлены и столы с неисчислимыми на них угощениями.

Такая мирная обстановка продолжалась совсем недолго. Как только вино, и без того распиравшее лошадиные их желудки, помутило кентаврам буйные головы, – они взаправду взбесились.

Первым потерял рассудок дерзкий Эврит, неутомимый задира и заводила всяческих бесчинств. С диким ржанием набросился он на невесту хозяина. Эврит забросил девушку себе за спину и бешеными прыжками бросился наутек, топча своими копытами и задевая всех прочих гостей. Остальные кентавры тут же стали расхватывать подвернувшихся им под руку прочих женщин.

Эллинские герои, поначалу державшиеся настороже, под воздействием вина успели потерять свою бдительность. К тому же на свадебный пир полагалось приходить без оружия. Эллинские герои в первое мгновение даже здорово растерялись.

Но и в этой жуткой обстановке на помощь и выручку невесте друга и подоспел Тесей. Метко брошенной бронзовой вазой афинский удалец разбил голову удиравшему Эвриту. Предсмертный крик злодея привел в чувство и Пирифоя и прочих героев, присутствовавших на этой свадьбе. В ход пошло все, на что только натыкались их глаза: столы, скамейки, кубки, амфоры, треножники, котлы...

На помощь афинским героям бросились оцепеневшие поначалу лапифы. Трусами кентавров покрылась вся придворцовая площадь. Уцелевшие чудовища бежали и спрятались в лесах, что росли на склонах высокого Пелиона.

Это стало одним из наиболее удачных сражений добра с противостоящим ему злом. Получилась так называемая кентавромахия.

Долго вдовствующий Тесей начал подумывать о новой женитьбе. Из памяти героя, несмотря на промелькнувшие быстро годы, никак не выветривался образ прекрасной Ариадны, так недолго считавшейся даже его невестой. По какому-то наитию Тесею припомнилось, что на острове Крите осталась меньшая сестра Ариадны, по имени Федра, которая, к тому времени, тоже успела уже заневеститься.

При первой же возможности Тесей снарядил афинский флот, и во главе тоже его отправился с ним на остров Крит.

Говоря в общих чертах, он не ошибся в своих самых смелых предположениях. На Крите, к тому времени, уже не было в живых царя Миноса. Впрочем, Миносу, сыну Зевса, даже после смерти не приходилось жаловаться на судьбу: вместе со своими братьями Сарпедоном и Радаманфом он судил умерших уже на том свете, в подземном царстве бога Аида, или Гадеса.

Новый властитель острова Крита, Миносов сын Катрей весьма приветливо встретил своего афинского коллегу, не усматривая в нем уже никакого, зависимого от Крита правителя. На пышном пиру, чем-то неуловимым напоминавшем ему столь памятный пир у царя Миноса, поскольку все это происходило в том же, таком знакомом Тесею зале, ему показалось, будто перед ним предстала вдруг Ариадна. Прошедшие годы ничуть не переменили девушку, скорее даже усилили ее великолепную красоту. Впрочем, она сделалась еще более юной.

Тесей успел даже подумать, что это сон, но ему шепнули, что это и есть царевна Федра, ради которой он и явился сюда, на остров. Не мешкая ни мгновения, Тесей попросил у критского царя руку его сестры...

Новая супруга родила Тесею двух сыновей – Акаманта и Демофонта, которых афиняне тотчас же признали наследниками афинского царского престола, тогда как к Ипполиту, рожденному ему покойной уже царицей амазонок, они всегда относились с непонятной прохладцей, с каким-то тайным предубеждением, как к сыну варварки-чужеземки.

Трудно сказать, чем завершилось бы это драматическое противостояние сводных братьев, какой бы выход указали им афинские обычаи и законы о престолонаследии, если бы не случилось нечто, совсем непредвиденное, внесшее еще более трагический разлад в их жизнь. Быть может, не только в жизнь Тесея, но и в размеренный ход всей государственной аттической машины, вроде бы уже направленной Тесеем в более или менее мирное русло.

А произошло вот что. Необычная красота царевича Ипполита вскружила голову его юной мачехе Федре. Молодая женщина долго скрывала вспыхнувшее в ней личное чувство, опасаясь сурового, уже явно немолодого мужа ее. Однако Тесей довольно часто оставлял Афины – ради своих продолжительных поездок. И это не прошло бесследно.

Во время одной из таких продолжительных мужниных отлучек, когда по Афинам стали гулять упорные слухи, будто Тесей погиб, будто он уже никогда не возвратится... А Федра, стало быть, вообще освободилась от супружеских уз, – стала мнимой вдовой, которой эти узы сделались уже совсем безразличными, даже несколько неприятными, – призналась в любви к своему очаровательному пасынку.

Конечно, решившись на нечто подобное, она по-прежнему видела себя царицей, но уже при новом, юном, тоже вполне законном царе. По ее мнению, она не совершила ничего предосудительного.

Однако Ипполит...

Он с негодованием отверг все услышанные им признания в любви.

Ответ его прозвучал так недвусмысленно, что когда явились верные слухи о возвращении живого и невредимого Тесея, – Федра перепугалась до смерти. Она сразу же подумала, что непорочный Ипполит расскажет о ее признании своему отцу. Поэтому Федра решила свести счеты с жизнью.

Чтобы оставить о себе хорошую память, чтобы не запятнать имена своих сыновей, возможных, а то и верных наследников афинского престола, – она прибегла, как ей показалось, к весьма простительной клевете. В ее предсмертном письме, адресованном супругу, было сказано, будто бы юный Ипполит покусился на честь своей мачехи, и будто бы она, будучи не в силах снести подобного позора, решила покончить с собой.

Возвратившийся домой Тесей застал уже похолодевший труп жены.

Тесей поверил клевете, однако не пожелал пятнать себя казнью собственного сына. С просьбой наказать нечестивца – афинский царь обратился к морскому богу Посейдону, который, вроде бы, тоже считался его небесным отцом, тогда как Эгея почитали, пусть и со временем, его земным родителем.

Опечаленный развитием таких событий, царевич Ипполит старался всячески избегать родного дворца. Он не знал, как объяснить отцу свою полную невиновность, а тот вообще не пускал его к себе на глаза.

Однажды Ипполит ехал в глубокой задумчивости по берегу моря.

Извилистая дорога пролегла по узкой теснине между отвесной скалою и крутым, страшно обрывистым берегом. Казалось, чуть-чуть ошибись на ней чуткие лошади, – и не миновать большущей беды.

Однако умные животные знали там каждый, валявшийся под ногами камешек, каждый малейший, каждый изгиб дороги, годами протираемой ими колеи. Ипполит доверял коням больше, нежели своему вознице.

И вдруг на дорожной полосе, откуда ни возьмись, взметнулась спина морского дракона, кости железного хребта мелькнули настоящими огненными стрелами. Испуганные кони шарахнулись в разные стороны, проваливаясь в пропасть и невольно увлекая за собою ни в чем неповинного седока-хозяина.

Так погиб необыкновенно красивый юноша, рожденный на свет матерью амазонкой.

В поисках новой супруги Тесей обратил свои взгляды в сторону Спарты, расположенной на юге всего Пелопоннесского полуострова.

Там, у царя Тиндарея, подрастала красавица дочь по имени Елена. Девушка на самом деле приходилась дочерью верховному эллинскому богу Зевсу, и в этом скрывалась истинная причина ее неземной прелести, в силу чего на ее руку претендовали чуть ли не все тогдашние эллинские женихи.

В Спарту Тесей отправился вместе со своим другом Пирифоем, к тому времени также уже овдовевшим: у него умерла жена Гипподамия, из-за которой, в свое время, произошла такая жестокая кентавромахия.

Явившись в Спарту, друзья пришли к убеждению, что добиваться руки юной красавицы Елены – дело слишком канительное, длительное и, быть может, даже вообще безнадежное.

На ту пору красавице едва исполнилось только двенадцать лет. А в таком возрасте девичье сердце менее всего склонно доверять таким немолодым уже женихам, каковыми сделались Тесей и Пирифой, вступившие, пожалуй, в уже свой энный десяток лет.

Что же, потенциальные женихи решили поступить совсем иначе.

Воспользовавшись отсутствием братьев красавицы, не в меру воинственных Диоскуров, Кастора и Полидевка, они выкрали невесту и спрятали ее, как говорили знающие люди, у матери Тесея, в ее родном городе Трезене. А затем бросили жребий, кому же она станет женою.

Счастье улыбнулось Тесею.

Однако законы дружбы требовали помочь и своему приятелю.

Правда, Пирифой задумал на этот раз вполне неслыханное дело: он вознамерился выкрасть жену у бога подземного царства, у самого мрачного бога Гадеса, увести известную всем его жену Персефону, бывшую Кору, дочь богини Деметры.

Вполне вероятно, что дерзости такому немолодому жениху добавил удачный исход предприятия с красавицей Еленой. По всей Элладе ее разыскивали неугомонные братья Кастор и Полидевк.

Вполне возможно, что Тесей отговаривал приятеля от такой безумной затеи, но не смог ничего поделать с ним.

Друзья начали готовиться к спуску под землю, вход куда, впрочем, находился совсем неподалеку от города Афин: в глубокой земной расщелине, о существовании которой знали почти все окрестные пастухи.

Под землей герои действовали совершенно по привычке, безо всякой робости. Они сразу же обратились к самому подземному богу, к вечно хмурому Гадесу.

Гадес, заранее зная об их истинных намерениях, встретил их с показным спокойствием на бледном лице (от постоянной подземной жизни). Он выслушал требования и пригласил их присесть на какое-то возвышение, что-то вроде трона. И тут с ними случилось самое невероятное...

Едва только пришельцы, лишь переглянувшись между собой, согнули в коленях ноги, кажется, едва прикоснулись телами к сидению, как тут же оба оказались в мощнейших оковах, в которых им предстояло томиться бессрочно, как известил их сам Гадес.

Подземный бог не ведал ни малейшего снисхождения к своим жертвам, к людям, лишь временно живущим у него над головою.

Правда, какое-то время спустя, Тесей оказался все же на свободе – благодаря заступничеству Геракла, спустившегося в подземное царство ради очередной прихоти его постоянного мучителя, тиринфского и микенского царя Эврисфея.

Снисхождения удостоился только Тесей, поскольку он согласился на преступное действие не ради собственной пользы, ради помощи своему товарищу.

Пирифой же остался в подземном мраке навечно.

Возвращение на родину не принесло аттическому царю прежней радости.

Оказалось, во время его пребывания в Подземном царстве Диоскурам удалось пронюхать, где спрятана их любимая сестра Елена. Братья освободили сестру и возвратили назад ее под отцовскую крышу, заодно прихватили в качестве служанки для нее престарелую мать Тесея – хорошо известную нам Этру.

По другим версиям, Диоскуры обнаружили Елену вовсе не в Трезене, но в самих Афинах, и, ради освобождения ее, им пришлось штурмовать столицу всего Афинского государства.

Как бы там ни было, в Афинах Диоскуры побывали и постарались как можно чувствительней отомстить отсутствовавшему там Тесею. Царскую власть в государстве они передали его родственнику Менесфею, так что возвратившемуся, наконец, постаревшему и отощавшему до неузнаваемости Тесею, пришлось помыкаться тщетно в городе, ставшем для него уже совершенно чужим. Тесей не только не пустили в царский дворец, но даже не позволили ему подняться на высокий акрополь.

Ничего не добившись, герой удалился вообще из Афин, почти что бежал из них, прихватив с собою лишь своих сыновей – Акаманта и Демофонта.

Ночной порою, с борта неказистого суденышка, в последний раз в своей земной жизни посмотрел он на такую дорогую ему аттическую землю.

На горных склонах горели редкие костры, а возле них метались огромные тени, похожие на каких-то сторуких великанов. Возле огней бодрствовали чуткие ночные пастухи, опасавшиеся нападений чутких хищных волков.

Отставной царь отправился на остров Скирос, что в Эгейском море, также получившем свое название в честь его отца – Эгея. На указанном острове отец его обзавелся когда-то плодородными земельными владениями.

На Скиросе Тесей был с пониманием и даже с определенным сочувствием был принят тамошним царем Ликомедом.

Однако так только казалось. На самом же деле Ликомеду не хотелось портить отношения с новым правителем почтенного аттического государства, тем более, что он знал: отправляясь в изгнание, удрученный Тесей в сердцах проклинал свое государство, предавшее забвению его

прежние перед ним заслуги. Кроме всего прочего, царь Ликомед, наверняка, помышлял о том, как заполучить принадлежавшие Тесею его наследственные земли.

Трудно сказать, что взяло верх в размышлении Ликомеда и сколько времени пришлось ему дожидаться того счастливого момента, пока он решился на самые радикальные действия.

Когда же замысел его вызрел полностью, – Ликомед пригласил знатного гостя на высокий обрывистый берег, будто бы ради обыкновенной прогулки. Улучив момент, когда гость глядел в сторону афинского государства, спрятанного за горизонтом не только из-за огромного расстояния, но и в результате наличия перед ним гористого острова Эвбеи, – коварный царь Ликомед ловким движением руки столкнул его в неумолимую бездонную пропасть.

Так завершилась жизнь замечательного афинского реформатора, царя-героя.

Для исторической науки Тесей пребывает в статусе мифологической фигуры, но память о нем в его столь любимом им городе не умирала с тех пор уже никогда.

Когда афиняне выступили против высадившихся под Марафоном персов, когда они бросились на захватчиков, – то все вдруг увидели, что их возглавляет неведомо откуда-то взявшийся царь Тесей.

Любимый народный герой был в полном воинском снаряжении. Медные доспехи на нем горели точно так же, как они горели тогда, когда на этом же поле повстречался он со своим будущим другом Пирифоем.

Увиденное настолько сильно подействовало на будущих победителей, что они с готовностью и большим пониманием восприняли повеление дельфийской пророчицы Пифии: во что бы то ни стало отыскать на острове Скиросе останки великого героя. Затем – перенести все это в Аттику, похоронить в Афинах на самом почетном месте.

Кости Тесея отыскал уже полководец Кимон, сын знаменитого Мильтиада, автора славной Марафонской победы над персами.

Место в Афинах, где Тесею насыпали высокую могилу, считалось священным и неприкосновенным убежищем для всех беглых рабов, изгнанников и всякого рода обездоленных людей.

В честь героя Тесея, уже в исторические времена, в Афинах ежегодно отмечались праздники, посвященные освобождению молодежи от критской неволи. Там же, в Афинах, был основан и специальный храм, получивший название Тезейон.

В морском порту, носившем название Пирей, уже в исторические времена, показывали триеру, на которой Тесей отправлялся на остров Крит в качестве жертвы другому сыну царя Миноса Минотавру и на которой он с триумфом возвратился назад, в Афины.

Хотя самой триере было свыше тысячи лет, а все же она выглядела как новенькая, чему никто не удивлялся нисколько. Афинские власти открыто заявляли, что на судне постоянно обновляются все его обветшавшие части.

Почетом пользовалась в Афинах также родственники великого героя.

В исторические времена на акрополе показывали даже остатки фундамента, где некогда высился дворец царя Эгея, а также демонстрировали то место, откуда старик в отчаянье бросился в море, заведя на синих морских волнах тугие черные паруса.

Никого не смущал при этом вопрос, каким именно образом престарелому человеку удалось свалиться с Акрополя в морские волны, когда само море находится оттуда на расстоянии в несколько тысяч шагов.

Афиняне крепко помнили и то место, где упал и разбился кубок, уроненный старым Эгеем уже после того, как обреченного на смерть прищельца царь признал своим первородным сыном.

Показывали в Афинах также иные памятные места, так или иначе связанные с памятью о трезенской царевне Этре. Возле этих памятных знаков, преимущественно уже могил, всегда толпились огромные народные массы.

Здесь необходимо отметить, что мать героя, царевна Этра, очень долго пребывала в качестве служанки при красавице Елене, ставшей впоследствии женой Менелая. За Еленой Этра последовала даже в далекую, заморскую Трою, откуда ее, после долгой и унижительной службы, вызволили и привезли в Афины внуки ее – будущие афинские цари Акамонт и Демофонт.

Меланфий

Что же дальше было с царской властью в Афинах?

Согласно с некоторыми преданиями, ставший во главе аттического государства царь Менесфей, затем возглавил афинский отряд, который отправился в далекую заморскую Трою.

О Троянской войне поговорим в своем месте, а пока что скажем одно: в борьбе с троянцами Менесфей погиб, так что сыновья Тесея, известные нам Акамант и Демофонт, возвратившись на родину, снова обрели наследственный отцовский трон.

Если верить преданиям, то потомки Тесея еще долго продолжали царствовать в Афинах, пока не появился там исполненный энергии и смелости человек по имени Меланфий.

Этот Меланф (или Меланфий), сын Андропомпа, уже царствовал когда-то в довольно отдаленной от Аттики Мессении, что на юго-востоке всего полуострова Пелопоннеса.

Однако он был оттуда изгнан потомками Геракла, так называемыми Гераклидами.

Для изгнанного экс-царя началась беспокойная, весьма трудная жизнь. Он долго скитался по всей эллинской земле, поскольку наверняка уж считал себя высокопрофессиональным правителем, пока, наконец, не обратился в Дельфы, где тамошние прорицатели, весьма чутко следившие за всеми событиями, протекающими в Элладе, не дали ему предсказание: надо срочно, немедленно отправляться в Аттику!

В Аттике государственные дела, к тому времени, шли из рук вон плохо.

Аттика, наверняка, уже потеряла своего достойного правителя, потому что энергия Тесева рода к этому времени окончательно выдохлась и как-то вполне иссякла.

Местная царская власть требовала вливания новых, живительных сил.

На аттической земле не раз бесчинствовали войска беотийского государства под командованием Ксанфа¹⁰, рыжего великана, как о том говорит уже само его имя.

Это был человек, со звериным, каким-то крайне беспокойным взглядом, с неправдоподобно длинными и ухватистыми руками...

Вероятно, присоединившийся к нему, да и ко всему аттическому войску, человек по имени Меланф (или Меланфий), показался войску ловким, умелым, умным и каким-то в корне бесстрашным воином. В критические моменты Меланф не любил пустого разглагольствования о чем-то, совершенно туманном. Нет, он сразу же брался за дело. Он не искал для себя безопасного места. Вот и на этот раз, – безо всякого, даже малейшего промедления, вызвал на поединок беотийского царя-великана!

Рыжий Ксанф, конечно, от удивления вытаращил глаза и едва не выронил из рук оружия. Но вызова не отверг, принял. Хотя в голове у него мелькнуло сильное подозрение: а нет ли здесь какого-нибудь мерзкого подвоха? Да только сам же и успокоил себя: дескать, какого подвоха может устрасить уверенная в себе могучая сила?..

В назначенный день, с утра, оба неприятельские войска, принеся богам жертвы и погасив свои походные костры, вышли в поле, готовые сразиться заново, если такое от них еще может понадобиться.

А пока что воины сгорали от любопытства, чем завершится уже объявленный вслух поединок двух отчаянных смельчаков! Такие поединки, даже в те, далекие от нас времена, были все еще в диковинку.

К тому же – они много значили. Если боги замыслили умертвить царя, были уверены воины, то это значит, что у подвластного ему войска не может быть победы. Спасение его подданных – только в немедленном бегстве с поля битвы.

Правда, в данном случае тоже смущало одно веское обстоятельство.

¹⁰ Само слово Ксанф на древнегреческом языке означает «рыжий, светловолосый».

Меланф вовсе еще не был афинским царем, но был просто рядовым пока еще воином. Вроде наемника. Вернее – он сам находился как бы в отлучке, от далекой отсюда его собственной родины. Так что если Меланфий и победит... Пользы от этой победы не будет ни на грош...

И все же мысль о подобном исходе поединка – окрыляла афинян, а фиванцев от нее бросало в мелкую дрожь.

Когда соперники предстали друг перед другом, сверкая медью своих доспехов и потрясая воздух своими копьями и щитами, то фиванцы все-таки радостно закричали. Все они верили, что победа будет на их стороне.

Да и как тут было не верить!

Хотя бы потому, что рядом со стройным, еле державшимся определенного места на земле Меланфом, рыжий Ксанф выглядел просто горою.

Однако фиванцы не успели даже насладиться сомнительной уверенностью, потому что все уже было кончено.

Могучий Ксанф лежал на земле, еще более подобный горе, и тело его подплывало хлещущей из раны в горле кровью, поскольку Меланф, лишь подбежав к нему, сразу же вытащил из раны без промаха бывшее свое копье.

Едва лишь только заведя все это, даже не поняв до конца всего смысла случившегося, все фиванцы с криками устремились в паническое бегство.

Афиняне тоже не сразу поняли, что произошло в поединке, как удалось Меланфу добиться столь быстрой победы. Уже задним числом афиняне сочинили и оставили потомкам вполне удовлетворительное объяснение этого случая.

Оказывается, когда Меланф и Ксанф еще только изготовились к бою, то Меланф увидел за спиной у соперника красивого молодого человека в мохнатой козьей шкуре, который подталкивал рыжего великана вперед и вроде бы направлял острие своего копья прямо в глаза Меланфию...

Все это дало и ему, Меланфу, право даже закричать:

– Что же ты явился с помощником, Ксанф? Этак дело не пойдет. Это – нечестно!

Ксанф, изумленный упреком, тотчас же оглянулся, чтобы удостовериться в наглой лживости своего противника, и тут же был проткнут необыкновенно быстрым копьем самого Меланфа.

А третьим участником этого поединка, сослужившим столь печальную службу рыжему Ксанфу, явился, как говорили все очевидцы, бог виноделия – чрезвычайно хитрый Дионис.

У бога Диониса имелись все основания не любить фиванских государей. Поскольку они, фиванские захватчики, потревожили посевы его виноградников... Да что там говорить... Они просто издевались над ними, вытаптывали всю площадь своими ногами, обутыми в тяжеленные сапоги.

Надо ли говорить, что все фиванцы, потеряв своего предводителя, были немедленно изгнаны из аттических пределов.

После этого сражения афиняне единогласно избрали храброго пришельца своим новым царем.

Таким вот образом – они положили конец господствовавшей у них прежней царской династии.

Конечно, Меланф не остался в долгу перед богом Дионисом. Появление этого бога во время своего поединка – он нисколько не отрицал и толковал все случившееся с ним как благоволение бога к себе, а также к подчиненному ему всего афинского народа.

В честь же веселого и постоянно пьяного бога, родиной которого считались Фивы, в Афинах учредили нарочитое святилище и установили праздник Диониса.

Этим самым афиняне хотели подчеркнуть, что фиванцы оскорбили бога, своего земляка. Он от них отвернулся, – и вот результат.

Афинские холмы с того времени стали обрастать еще больше виноградной лозой. Аттическая земля, неспособная давать урожаи зерна, приносила великолепные доходы также возделывателям винограда.

Красная, пьянящая жидкость с тех пор ежегодно переполняла амфоры, которые сотнями, а то и тысячами свозились в Пирей, где измокшие от пота рабы грузили их на суда рыжебордых заморских купцов.

Виноград стал для Аттики новым источником богатейших доходов.

Кодр

Последняя страница в истории царской власти в Афинах связана с именем Кодра, сына храброго и весьма предприимчивого царя Меланфа.

Вполне возможно, что новый царь нисколько не уступал в мужестве и храбрости своему родителю, однако в дальнейшем, со всей очевидностью, можно утверждать, что положение афинского государства ко времени правления Кодра необыкновенно усложнилось, если не сказать, что само государство, к тому времени значительно ослабело и даже пошатнулось.

Главному городу всей Аттики угрожали воинственные пелопоннесцы, из тех дорийцев, потомков Геракла, которые с огнем и мечом прошли весь Балканский полуостров, не заметив поначалу тихую и спокойную Аттику, но, в конце концов, вроде бы поняли собственную оплошность и решили наверстать упущенное ранее.

Натиску пелопоннесцев трудно было противостоять во все времена, в том числе даже и в исторической эпохе.

Но в указанный период задача пелопоннесцев осложнялась еще и тем, что они, пелопоннесцы, получили какое-то замысловатое предсказание дельфийского оракула: захватить Афины удастся им лишь при условии, что во время боевых действий живым и невредимым останется афинский царь Кодр.

Пелопоннесцам пришлось действовать исключительно осторожно, с оглядкой на каждом шагу, буквально всматриваясь в лицо каждого неприятеля, чтобы как-то не задеть и даже не убить царя, которого они, конечно, лично знать не могли, а лишь надеялись каким-то образом почувствовать, кто перед ними в данный момент.

Дело осложнялось еще и тем, что афиняне тоже знали об этом пророчестве. Вполне возможно, что дельфийские жрецы не держали этого в глубокой тайне, преследуя свои какие-то сокровенные цели.

Кто теперь в силах сказать, какие именно мысли могли прийти в голову самому афинскому царю Кодру?

Кажется, у него не оставалось даже сомнения, что именно сейчас настал его звездный час. Возможно, как никто иной в его окружении, афинский царь Кодр понимал всю безвыходность положения возглавляемых им защитников города и всего государства. Возможно, он ощутил всю безнадежность существования в государстве царской власти, а тем более – невозможность сохранить ее для потомков-наследников...

Как бы там ни было, как бы ни размышлял афинский царь Кодр, однако он поступил воистину благородным образом. Взвесив все обстоятельства, мудрый правитель решил спасти государство ценою собственной жизни. Отыскав в подвалах замка веревку, которую обычно употреблял для своих занятий старый садовник, переодевшись в пыльные лохмотья, тоже найденные в тех же подвалах, – царь Кодр медленно выбрался за крепостные ворота.

Всем своим видом и поведением он изображал человека из простонародья, спешащего в рощу за охапкой хвороста. Свою роль ему предстояло сыграть очень тонко и безошибочно, ничем не выдав себя перед внимательными врагами, чтобы не дать им повода заподозрить, кто перед ними на самом деле. В противном случае все пелопоннесцы взяли бы афинского царя в плен живым и невредимым, и тогда афинянам было бы вовсе не на что надеяться.

Все задуманное Кодру удалось исполнить сполна.

Дерзкими речами, своим «наглым» поведением царь возбудил у врагов такую ненависть и такую злость, что они без зазрения совести прикончили этого, слишком язвительного старика.

Конечно, все задуманное Кодр постарался устроить таким непременно образом, чтобы истинные его намерения стали известны афинянам, чтобы они без труда доказали врагам, кого те убили на самом деле.

Как только это произошло, как только раскрылось все, – у пелопоннесцев тут же опустились руки. Убедившись, чей это труп лежит на крепко утоптанной дорожке, ведущей в рощу, – пелопоннесцы поняли, что дали себя одурачить. Они были дисциплинированными людьми и без тени сомнения верили всем предсказаниям.

Пелопоннесцы в тот же день сняли свою бесполезную осаду и удалились вовсе из аттических пределов.

Погибшего за родину царя афиняне похоронили с достойными его подвига почестями. На Акрополе насыпали высокую могилу, приметную с большого расстояния, и учредили в городе культ покойного царя. А похоронили его в могиле, где уже были похоронены выдающиеся афиняне: Писистрат и Солон.

Произошло все это если верить надписи на Паросском камне, в 1085 году до новой эры.

Одновременно с этим в Афинах было решено, что царей у них в государстве больше не будет, что верховную власть в стране будут осуществлять избираемые народом правители, которым позволено становиться из числа потомков покойного царя.

Первым правителем, так называемым архонтом, возглавившим Афинское государство после смерти последнего царя, – стал его сын по имени Медонт.

Этому Медонту (или Медону¹¹) предстояло управлять Афинами уже до конца своих дней. Однако установленный первоначально порядок правления со временем сильно переменился. Впрочем, наш рассказ об этом времени уже сильно выходит за пределы всей нашей книги...

¹¹ Не путать его с другими Медонтами, среди которых выделяются побочный сын царя Оилея, командовавший войсками под Троей, а также глашатай женихов Пенелопы.

Фиванские цари

После того, как Кадм, сын Агенора, прибыл в Фивы..., а случилось это в царствование в Афинах Амфиктиона, и построил там Кадмею, прошло 1215 лет (1518/17 год до нашей эры).

Паросский мрамор

Беотия

Все жители Беотии издавна считались мужланами, недостойными понимания высокого искусства. Среди греков бытовало даже выражение: «Иметь беотийские уши». Оно знаменовало собою своего рода заикленность в мелких хозяйственных заботах...

Северо-западная часть Беотии представляла собою слишком зеленую, благодатную низменность, чересчур богатую сочными травами. Вдобавок – вся она, Беотия, была окружена высокими и красивыми горами, которые защищали ее от вторжения губительных, чисто северных, леденящих ветров.

Вообще-то, по греческим понятиям, Беотия считалась довольно обширной землей. Она размещалась в самом центре Эллады, и в силу этого казалась вполне соразмерной с Аттикой, лежавшей с ней почти рядом.

На северо-западе Беотию омывали воды Эвбейского пролива, а на юге, напротив ее берегов, плескались воды Коринфского залива. Так что недаром Беотию называли «страною трех морей».

Яркими пятнами на всей этой низменности выделялась синяя гладь Копайдского озера, чрезвычайно богатого рыбой и обросшего по всем своим берегам какими-то, чересчур дородными, камышами. Из них делались великолепные флейты, которые непрерывно звучали по окрестным лужайкам, рощицам и даже, по осыпанным солнечными лучами, – разнообразным пригоркам.

Юго-восточная часть беотийской земли, напротив, – выглядела гористой, изрезанной многочисленными, влажными долинами.

Среди беотийских гор, в первую очередь, – следует назвать Геликон. Наивысшая точка этого горного массива достигала высоты в 1748 современных нам метров. Геликон возносился ввысь к юго-западу от Копайдского озера и считался местом пребывания муз, которых, именно по этой причине, именовали еще также Геликопидами...

Особенно занимательной была западная сторона Геликона. Она находилась к западу от небольшого городка Херонеи. Там различались два грота и две больших котловины.

Ударами копыт в указанных горах волшебный конь Пегас открывал источник Гиппокрену – Лошадиный колодец. В темнофиалковых водах его обычно любили плескаться зычно-голосые музы.

С этими местами было теснейшим образом связано проведение различного рода празднеств, посвященных вечно поющим и пляшущим спутницам бога Аполлона.

Очень важной, известной почти каждому жителю Беотии, прослыла также гора Киферон, расположенная между Беотией, Мегарами и Аттикой. Она была посвящена верховному богу Зевсу и его сыну, уже довольно известному нам Аполлону.

Самыми главными реками в Беотии считались Исмен и Асоп.

Исмен брал начало в источнике Мелия и на одноименных с нею взгорьях. Затем – его воды обтекали главный город Беотии – Кадмею, впоследствии – Фивы, а после слияния с источником Дирке, они впадали в озеро Гиликe.

Асоп начинался в Беотии, в бурлящем источнике – вблизи города Платеи. Он как-то дерзко катил свои воды по Аттике и вливал их непосредственно в море, напротив острова Эвбея.

В Беотии можно было видеть много древнейших поселений, но прежде всего среди них необходимо назвать, кроме уже упомянутых Фив и Платей, – также города Орхомен, Херонею, Левктры.

В этом богатом крае с большим успехом разводили также крупный рогатый скот, сеяли пшеницу и ловили рыбу.

Вообще, что касается рыболовства, то оно развито было также довольно широко, как и повсеместная в этом крае торговля.

Быть может, именно поэтому все жители Беотии выделялись своим высоким ростом, величественной осанкой, крепким сложением, физической силой и каким-то независимым выражением своего, и без того уже слишком благородного лица.

Правда, сами беотийцы на этот счет были несколько иного мнения.

Не природные свойства своих земель, не изобильное питание ее жителей, не богатство, дескать, являлись причиной столь разительных их отличий. Беотийцы считали себя пришлым народом и касательно этого у них имелись на это свои основательные доказательства.

Царь Кадм

Откуда же и как появились в Беотии ее первые жители?

Почему эта земля доселе носит столь дивное и яркое название, намекающее на ее слишком тесную связь с «коровым» семейством?

Откуда и как произошло само название главного беотийского города? Как и когда все это возникло?

Все перечисленные здесь вопросы жители беотийской земли могли объяснить с удивительной полнотой, лишь бы только у слушателей хватило на все это терпения.

По большому счету, вся интригующая история Беотии начиналась где-то в далекой Ливии, чуть-чуть в стороне от «фараонского» Египта, на самом берегу Средиземного моря, где правил в ту пору великий финикийский царь Агенор, сын морского бога Посейдона. И была у того царя красавица дочь, по имени – Европа...

Однажды, в теплый летний день (впрочем, иной погоды там и не знают), юная царевна, вместе со своими подругами, наслаждалась упоительным ничегонеделаньем.

Девушки бегали и прыгали по горячему золотому песку, пытаясь каким-нибудь образом задеть своими руками пестрый, почти клетчатый мяч, который то и дело порхал между ними, подобно слишком заметному мотыльку.

И вдруг, откуда-то ни возьмись, появился чудесный белоснежный бык. Произошло все это настолько неожиданно, что царевна и ее подруги даже не хотели поверить своим глазам.

Но грозный с виду бык повел себя подобно пугливому теленку, которому желательно, чтобы человеческие руки погладили его вытянутую понапрасну шею, чтобы ему позволено было хлебнуть сладковатого поила, в которое, к тому же, было подмешано слишком много коровьего молока.

И как-то так получилось, что ближе всех к тому месту, к самому быку, очутилась царевна Европа.

Девушке поначалу казалось весьма жутковатым такое соседство, но все же ей тоже хотелось хотя бы кончиками пальцев коснуться нежной, с переливами, густой белой шерсти. Руки ее подруг также так и тянулись по направлению к этому животному, вот только никто из них не осмеливался опережать строптивую царевну.

– Смотрите! – раздался вдруг чей-то восторженный голос. – Он хочет покатасть нас на своей спине!

– Это ученый бык...

Конечно, решили девушки, – перед ними исключительно умное животное. Такую науку способны преодолеть лишь немногие среди животных или даже исключительно умных верблюдов: чтобы по велению человека опускаться перед ним коленями на голую землю!

Впрочем, явившийся бык проделал нечто подобное безо всякого на то чужого повеления.

Всем этим надо было как-то воспользоваться...

– Европа! – раздалась веселые крики. – Садись! Ты – первая! Садись!

– Садись! Не бойся!

– Мы за тобою!

– Здесь везде ровное морское дно!

– Ничего не бойся!

Подруги поспособствовали царевне взобраться на бычий хребет и усесться там как можно удобней. Царевна держалась за широкие рога, которые напоминали собою лук в руках у довольно меткого стрелка. Бык терпеливо сносил человеческие крики, затем осторожно выпрямил ноги и как-то, совершенно неспешно, двинулся вдоль берега шумного моря.

Шаги животного с каждым мгновением все убыстрялись. Девушки уже бежали следом за ним, не отставая, но все же – как бы остерегаясь его широких и мощных рогов. А что, если вдруг быка ужалил какая-нибудь шаловливая муха? А вдруг ему вздумается повернуть свою голову, и он заденет кого-то из присутствующих своими острейшими рогами? Девушки продолжали кричать, вроде бы поощряя быка к еще большему ускорению бега.

Бык набирал все большей и большей скорости, и девушки вскоре начали отставать от него. Все происходящее они по-прежнему принимали за очень ловкую игру, и только.

– Европа! Держись! – кричали скорее уже по привычке, все так же весело, глядя как Европа намертво вцепилась руками в предельно развесистые рога.

Тревожный крик раздался в то самое мгновение, когда бык коснулся линии воды, но не остановился даже перед ее ослепляющим блеском, а без раздумий, еще быстрее, устремился по мелководью, высекая своими копытами тысячи ярких брызг.

– Европа! – взвизгнула самая близкая, закадычная подруга ее, всем сердцем учуяв, что, быть может, больше и не увидит царевны Европы.

С непостижимой скоростью животное удалилось от берега, превращаясь в точку, и пропало окончательно в еле колеблемой волнами дымке.

Крики Европы уже не долетали до берега вовсе...

Едва только страшная весть о пропаже царевны достигла высокого царского дворца, – как царь Агенор повелел созвать всех своих сыновей. Одни говорили, будто царевичей было лишь трое, другие – будто бы даже целых четверо. Старшего из них звали Кадмом, это точно. Остальные носили имена Килик, Феникс и Фасос.

Отцовский приказ прозвучал для них кратко и жутко:

– Берите корабли! И не смейте возвращаться ко мне без вашей сестры!

Сыновья не стали медлить. Гонимые ветрами суда следовали в одном направлении, куда-то на восток.

Моряки не теряли из виду друг друга и до рези в глазах обшаривали взглядами сверкавшие голубые просторы, чтобы не пропустить царевну на каком-то явно безумном белом быке.

Но море казалось совершенно пустынным. Встреченные моряки, с еще очень редких торговых судов, отвечали со смехом, что никаких животных так далеко от берега течение никогда не заносит. А тем более – белых...

Вскоре корабли разошлись в разные стороны, и царевичи, как оказалось впоследствии, – расстались уже навсегда.

Потом, погода, через много столетий, стало известно, что младшие братья Кадма, в поисках своей сестры, посетив разные острова и земли и нигде не найдя ее следов, – поселились в разных местах.

Страна, где остановился Феникс, где им были основаны города Сидон и Тир, – получила название Финикия, а где остался Килик – Киликия.

Третий же брат, Фасос, направился в северную часть Эгейского моря и поселился там, на прекрасном острове, которому тоже дал свое имя. Назвал его просто – остров Фасос.

Кадму же очень хотелось утешить старика видом возвращенной ему его любимой дочери. Кажется, Кадм дольше всех братьев не находил себе покоя. В своих скитаниях даже забрел на Балканский полуостров, вдоль и поперек прошагав всю обширную Фракию, Фессалию, – безрезультатно.

Почувствовав, что все поиски его ни к чему хорошему не приводят, что минуло уже много лет после того солнечного дня и слишком печального дня, когда ими был оставлен отцовский дом, – Кадм обратился к Дельфийскому оракулу, на ту пору известному уже на всем средиземноморском пространстве.

В Дельфах Кадму дали такой ответ: поиски Европы следует ему прекратить немедленно. Царевичу лучше всего обосноваться на новой земле, поскольку он не в состоянии явиться к старику-отцу, так и не исполнив его повеления.

Где же быть новому поселению, – на то укажет ему своим поведением корова, которую путники увидят сразу же после выхода из святилища.

Оставив стены священного места, Кадм уже был готов отдать приказ искать корову, однако ничего не успел сказать: корова паслась среди зеленого луга, на виду у всех!

Царевич последовал за коровой, которая довольно быстро продвигалась вперед, в поисках наиболее подходящей травы, размахивая хвостом и мотая своею рогатою головою.

Так продолжалось довольно долго. Но когда на небе погасло солнце, и над лесом загорелась первая синеватая звезда, – корова, наконец, остановилась. Она подогнула в коленных суставах передние ноги, потом задние, и со спокойным вздохом опустилась посреди буйных зарослей. Из зеленого моря торчала лишь рогатая ее голова.

Корова мирно пережевывала траву, которой успела набить себе почти весь желудок...

Кадм оглянулся вокруг.

Он оказался в глухом и лесистом месте. Высокий скалистый берег огибала голубая лента неизвестной ему реки. Над водою вздымался легкий пар, а в зарослях у реки кричали какие-то неугомонные птицы, не обращая внимания на то, что у соседей всякий говор давно притих, что все живое спряталось и даже уснуло.

Земля вокруг возвышенного места показалась царевичу весьма плодородной, о чем свидетельствовали роскошные травы и склонившиеся под тяжестью плодов вековые деревья.

Царственный юноша окликнул своих приотставших спутников, поцеловал в их присутствии землю и объявил им всем:

– Здесь построим город. Живо отправляйтесь на охоту и поскорее доставьте мне жертвенных животных.

Несколько спутников удалилось, сгорая от нетерпения как можно скорее исполнить повеление капризного царевича. Однако они долго не возвращались, почему Кадм послал вслед за ними еще и всех остальных молодых людей, а поскольку они где-то тоже замешкались, – он рассердился и отправился на их поиски лично.

Кадм не успел отойти далеко от того места, предназначенного им для непременно жертвоприношения. Он спустился к реке, намереваясь заодно поглядеть, какое в ней дно, измерить всю глубину реки, – и неожиданно наткнулся на загадочное отверстие в каменной стене.

Кто-то вроде шепнул царевичу, что надо-де посмотреть, куда ведет это отверстие, и он тут же очутился перед входом в пещеру. Под каменным сводом лежали тела уже мертвых спутников, а чуть подальше, но тоже в пределах пещеры, высилась уродливая фигура страшного дракона.

Кадм невольно сжал в своих руках тяжелое копье, с которым уже не расставался, кажется, ни днем ни ночью, с того самого мгновения, как сошел с корабля на землю.

Дракон тоже заметил гостя.

– Входи, входи! – заговорил он вдруг человеческим голосом.

Леденящие душу слова, казалось, вырывались прямо из драконовой пасти, не иначе. Еще там сверкнуло несколько рядов острейших зубов, сквозь которые ударило снопом жаркого, сильно насыщенного пламени. На голове у чудовища дыбились красные гребни, какое-то подобие гигантских петушиных, а в такт их движениям извивались и развивались кольца шумного, гремящего даже, змеино-го хвоста.

– Вот кто убил моих друзей! – закричал вне себя от расправившей его ярости Кадм, направляя свое копье прямо в голову этого грозного чудовища.

Царевич не промахнулся. Чудовище, со страшным стоном, попыталось скрыться куда-то в глубинах пещеры, однако храбрец добил его тяжелыми камнями, валявшимися у него под ногами.

Едва он проделал все это, едва вытащил копье из безжизненного огромного и безобразного тела, как тут же услышал над собой мощный женский голос:

– Вырви все зубы у дракона! Вспаши землю и засеи ими поле, на котором тебе велено будет выстроить новый город!

Кадм узнал богиню Афины. В сумраке пещеры шлем и копье ее сияли подобно двум одновременно появившимся лунам.

Конечно, приказание богини Кадм исполнил в точности. Собрав в свой плащ вырванные из ужасной пасти зубы чудовища, он доставил их к тому как раз месту, где по-прежнему пережевывала траву спокойно лежавшая на ней корова.

При помощи сухого древесного ствола храбрец вспахал землю и засеял ее зубами дракона.

Едва только все это было сделано, едва только Кадм стряхнул со своих рук остатки пыли с драконовских зубов, – как тут же из влажных земных борозд с треском начали вытыкаться головы воинов в островерхих сверкающих шлемах. Высвободившись, они тут же принялись выставлять перед собою островерхие копья, лишь прикрывая свои головы пестро размаляванными щитами. Они уже быстро изготовились к смертельному бою.

Отпрянув чуть в сторону, Кадм успел подумать, что вот и настал для него последний час, потому что выдержать натиск целого войска не удавалось еще никому из обыкновенных смертных. Однако воины, совершенно не обращали внимания на Кадма, будто даже не замечали его. Зато они с остервенением набросились друг на друга, нанося своим напарникам взаимные смертельные удары.

Какое-то время спустя, показавшееся Кадму слишком томительной вечностью, все вспаханное поле покрылось окровавленными трупами. Перекопанные ими поля были щедро усеяны такими же ямами и буграми. Более того, такие же ямы и бугры земли представляли собою красноватую смесь, исходящую парами с тошнотворными, пьянящими душу запахами...

Братоубийственные схватки прекратились лишь по приказу снова появившейся богини Афины. Но к этому моменту в живых оставалось всего лишь пятеро, смертельно уставших воинов.

Спустившись к реке, уцелевшие бойцы смыли с себя кровь и пыль, посмотрели друг другу в глаза, чуть заметно улыбнулись, и в знак примирения обменялись друг с другом крепкими рукопожатиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.